

Зинзивер № 4 (148) 2025

2025
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 710 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
--------------------------------	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сергей АДАМСКИЙ. Так получилось. Стихотворения	6
Виктория МАМОНОВА. Меня проверяет Бог. Стихотворения	13

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Пётр ГУЛДЕДАВА. Диалоги с автором книги стихотворений «Я иду по планете Земля».	
Стихотворения	26
Евгений СТЕПАНОВ. В маленьком саду. Стихотворения	34
Наташа КИНУГАВА (Наталья БАЕВА). ...В лодочке-венецианке. Стихотворения	37

ПРОЗА

Владимир ЛЕБЕДЕВ. Два рассказа	41
--------------------------------------	----

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Борис КОЛЫМАГИН. Картография бреда: Олег Асиновский. Эссе	49
---	----

ПАРОДИИ

Евгений МИНИН. Пять пародий	57
-----------------------------------	----

РЕЦЕНЗИИ

Вячеслав Куприянов, «Райские птицы поэзии» (Александр КАРПЕНКО)	
Стефан Георге, «Книга висячих садов» (Вера КИУЛИНА)	
Алина Дием, «Две повести о любви для взрослых» (Надежда ДРОЗД)	60

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Мы продолжаем петербургскую линию нашего журнала. И не забываем про другие города и веси России и русского зарубежья.

Двери журнала открыты для всех талантливых авторов.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт. Родился в 1980 году в Ленинграде. В 2001 г. окончил факультет социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. По специальности — учитель истории. В 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию по политической борьбе в Древнем Риме. До 2012 г. преподавал. С 2013 г. — работаю в Студенческом дворце культуры РГПУ им. А.И. Герцена. С 2014 г. — член Санкт-Петербургского союза литераторов, с 2018 г. — заместитель председателя правления СПСЛ. Публиковался в журналах «Аврора», «Дальний Восток», «Изящная словесность», «Окно» и др. Автор сборников стихов: «Время подумать» (2017), «Полиэтилен» (2019), «Талантомер» (2020), «Список мотыльков» (2022), «Зря» (2023), «Идти и слышать» (2024) и др. Составитель ряда коллективных поэтических сборников: «Герценовский метроном. Блокада, война, Победа в произведениях современных петербургских поэтов» (2017, 2020), «Дорога. Движение. Путь» (2020), сборников финалистов поэтического конкурса при СПСЛ «В контексте Города» и др. Трижды стипендиат Министерства культуры (2015, 2020, 2023). Лауреат литературной премии «Петраэдр» (2018). Обладатель гран-при X всероссийского фестиваля мелодекламации «Петербургский ангел» (2019). Серебряный призер IV сезона международной премии «Антоновка 40+» (2022). Финалист номинации «Поэзия» Международной премии «Пятая стихия-2022». Лауреат первой степени III сезона Международного литературного конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дмитрия Симонова в номинации «Поэзия» (2024). Лауреат III степени конкурса «Русский Гофман-2025» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ

* * *

...по-детски ужасаясь миру
и не по-детски матерясь,
поэт по грязи тащит лиру,
как будто вспахивает грязь.

вокруг: машины, люди, лужи.
и только грязь — на всех одна.
поэт здесь, в общем-то, не нужен,
и лира, в целом, не нужна.

грязь точно не заколосится,
уймись, поэт, ступай назад.
соври, что втюрился в синицу;
соври, что зелен виноград.

зачем, как ломовая лошадь,
ты перетаптываешь грязь?
зачем расчерчиваешь площадь,
где лир не знали отродясь?

где, не поняв эксперимента,
но дух дерзания любя,
следит сергеич с постамента
за новой версией себя...

2021

* * *

...так получилось: выжил, чудом выжил;
остался шрам, но это — пустяки.
жена была по-прежнему — повыше;
а он играл по-прежнему в стихи
и изменял стихам с дородной прозой.
короче — суета и благодать.
он взял все то, чем можно обладать
по жизни, оптом — и шипы, и розы;
где вопреки, а где — благодаря —
но дотерпел до нового царя.

однажды летом, близко к юбилею,
читая внучке новые стихи,
он проронил: «...ты знаешь, я жалею
о давней перестрелке у реки.
пеняет мне отметина на теле
за то, что я — по случаю живой;
за бабушкины слезы у постели,
когда врачи качали головой;
за милость николая-самодержца;
за ветреный арапский непокой;
за то, как друг-жуковский это сердце
ощупывал дрожащею рукой;
за каждое несдержанное слово;
за красные скрижали на снегу...
но — если бы я мог стреляться снова...
ах, если бы я мог стреляться снова.
да! если бы я мог стреляться снова —
я целился бы в голову врагу!»

2021

* * *

Хорошо
погулять по улицам,
По исконно своим местам.
Улыбнуться прохожим умницам —
Усмехнуться чужим мечтам.
Вдоль Фонтанки пройти до Летнего,
Передумать к Неве идти.
Выбор есть. Даже если нет его.
Вдруг да встретится по пути.

Провоцирует март на поиски.
Чуть оттаивает душа.
Через Марсово и на Троицкий
Можно двигаться, не спеша.
Через крепость пройти; *под рострами*,
Превращая маршрут в обряд,
Вспоминать, как на этом острове
Умирал я сто раз *подряд*.

Как потом на Дворцовой площади,
Подбирал лепестки души.
Как по Невскому плыли лошади
В равнодушной струе машин.
Я свернул на Литейный с Невского.
Я в Ахматовский сад зашел.
Станный город: влюбиться не в кого,
Но гуляется
хорошо...

2023

* * *

Берег берегу — волк.
А мосты приглашают наверх;
В середине моста —
наивысшая степень свободы.
В самый серый из дней
петербуржец стремится к Неве:
Это древний инстинкт,
заключенный в культурные коды.

В самый серый из дней
все решает глоток синевы.
В равнодушный гранит
невозможно вцепиться корнями.
Уходя,
петербуржец
становится каплей Невы,
Не желая сливаться с толпой
в мировом океане...

2021

* * *

...всадник поит коня облаками
и надменно глядит в небеса;
там дельфины блестят плавниками,
никого не желая спасать;
все понятно в закатном раскладе;
все заранее предрешено,
как в советском копеечном кладе,
как в немецком недетском кино.

но — гвоздики ложатся на камень —
отголосками давней беды;
и, лицо прикрывая руками,
всадник бродит у самой воды,
ощущая биение ночи
в металлических стертых боках,
ненадолго чуть менее прочен,
чем написано в старых стихах...

2024

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

...мы двинемся к себе по клеткам ночи —
в кирпичный дом в сиреновом саду.
там — все следы изодранных обочин
я на язык любви переведу.

и все, что было заперто стыдливо,
раскроется на жаркой простыне;
и нежность разольется в тишине;
и я не вспомню больше о жене;
и ты уснешь на мне под плеск залива;
и будешь спать. и будешь сниться мне.

как в первый день — медяная, прямая,
истертая о крымские ветра —
идешь ко мне и шепчешь, обнимая:
«...поэзию отложим до утра...»

2024

* * *

Петербург никуда не спешит
И не ждет никого никогда.
Это город усталой души,
Полюбившей купаться в следах.
Это вечер незримых мостов;
Это утро туманных сетей.
Это: «Ладно. Я знал. Я готов...» —
После самых плохих новостей.

Петербург никуда не спешит,
Зажигая на Стрелке закат.
В этом городе все хороши;
В этом городе всё — невпопад.
Поцелуи случайных подруг —
Просто повод не видеться с ней.
За любовь не дает Петербург
Ничего, кроме общих теней.

Это Невский под утро без сил
И зачем-то — Московский вокзал;
Это: «Как я ее не спросил?»
Это: «Что же я ей не сказал?»
Это отблеск невзятых вершин
В глубине сероглазого льда...
Мы с тобой никуда не спешим
И не ждем никого никогда.

2022–2023

* * *

...корабли плывут по золоту,
отфутболивая тьму.
полюбите город смолоду,
нагуляйтесь по нему.

пусть краснеют от невинности
предзакатные сады;
в переулках невзаимности —
пусть останутся следы;

пусть бросает вызов холоду
дева в розовом пальто.
полюбите город смолоду;
в зрелом возрасте — не то...

2024

РОВЕСНИКАМ

...разбивались любовные лодки;
век двадцатый — не благостный век;
выпьём, братцы, не чокаясь, водки
за единый, могучий ковчег.

помолчим. постаревшие дети —
в середине земного пути —
осознаем: приветствуя ветер,
можно бурю неожиданно найти.

осознаем. как водится — поздно:
новый путь безопасен и прост;
и подменим стремление к звездам
добросовестным лайканьем звезд.

и не выйдем за рамки, за роли,
за черту, за предел, за лимит;
и попробуем скрыть в алкоголе
все, что ноет, гнетет и болит.

и не вспомним, как падали стены;
как пожар походил на рассвет;
как хрустели осколки системы,
обреченно слетевшей в кювет;

как балтийские волны рыдали,
словно каялись в давней вине;
не дают орденов и медалей
проигравшим в холодной войне...

2019

* * *

Я — снег. Я падаю не землю.
Земля безвидна и черна.
Но я собою чернь объемлю,
И обеляется она;
И принимает отдых нежный;
И не упорствует во зле.
Я снег; я белые одежды
Дарю изломанной земле.

Я так мечтаю поскорее
Отмыть запекшуюся грязь.
Но что такое? Я серею,
Земным и грубым становясь.
Любой малюсенький начальник
Меня сметает с черных плит.
И милосердие мельчает;
И благородство барахлит.

Уже не снег. Я — соль, я — пепел,
Кошачий корм и конфетти;
Болтаюсь в кузове, как в склепе,
К небытию на полпути.
Подтаиваю над судьбою,
Перелопачен и бескрыл.
Я — снег. Я мир прикрыл собою.
Нет. Показалось. Не прикрыл.

2024

Поэт. Родилась в 1979 году в городе Владикавказе. В настоящее время живет и работает в Санкт-Петербурге. Место работы — СПбГУПТД. Виктория Мамонова — автор многих публикаций и книг. Член Союза писателей XXI века.

МЕНЯ ПРОВЕРЯЕТ БОГ

* * *

«What a Wonderful World»!

Круглый ресторанный столик на стальной ножке в пустыне,
за ним сидит человек;
не дожидаясь, пока остынет зеленый кофе,
пьет его вприкуску с конфетой «Плач Арлекина»:
до песчаной бури —
пять признаков.

Взгляд вдаль устремлен:
куда же еще он может быть устремлен в пустыне?!
Вдруг замечает точку; через 15 минут точка стала с точностью
таким же человеком, как он.

Пилигрим подходит к столу:
— Вы не угостите меня кофе?
— Ну, разумеется!
— Почему «разумеется»? Потому что вы — такой добрый?
— Потому что я — в пустыне.
Осталось еще четыре признака приближающейся песчаной бури.

Тонкие змейки юркнули в песок, крокодилы
(кстати, откуда здесь крокодилы?),
черепахи и крокодилы инволюционировали до переходных форм;
колючки выпустили побеги, лианы захватили дюны,
слоны протрубили, как перед грозой,
скарабей на песок перешел.
Три признака.

Как раз, чтобы допить кофе, сыграть партию с искусственным интеллектом,
перенести часть дел на лето,
обустроить реальность, «данную в ощущениях», правдоподобно,
подумать о долге,
сменить политические взгляды на эстетические пристрастия,
вспомнить о Насте. Впрочем, без Насти.

Ветер поднимает с земли горсть золотых тонких литер,
свет слепит глаза:
— Даже если в них есть сакральная сила, — думает человек, —
она сокрыта для меня.
Неожиданно с небес просыпалась манна — вторая весть —
Ангел собирает фрагменты материи,
ставит винил Армстронга.

Мир соткан весь...

Круглый мраморный столик на стальной ножке в трактире,
за ним сидит человек;
не спеша рассматривает переливы цветов, в бокале — арманьяк,
пьет его вприкуску с конфетой «Москва»:
до закрытия —
целая вечность.

* * *

Километровые мосты
в ажурных порванных митенках
протягивают руки, оставляя выкройки теней;
по вечерам — иероглифирует на стенках
стеклярус бедных фонарей.

Все небо — в редких незабудках;
солярно-чутким видится, как будто царствует одно —
сплошное серое бельмо,
и лишь за ним синее чья-то шкурка.

Стервозный город — что ни говори —
с какой-то жуткой и болезненной тоской внутри,
хрустит костяшками балконов,
вылизывает лужи с красочных боков,
бросает пыль, потом пыльцу
в лицо — напрасно. Хохочет грязно.

Ты — кляча ста кровей,
подкошенная хворью и трудом у водополя,
ты — грива северных морей,
предавших твою прыть и титаническую волю
и обмелевших у висков.

Ты дышишь с хрипом всех дорог!

Что видит Бог, когда взирает
на твой изношенный хребет, кроме бравады лет
и невозможного геройства?!
Он видит бег.

* * *

Циркули судовых кранов на белом февральском экране
напоминают колодезных журавлей;
влажный воздух добавляет дыхание в средоточие дней —
стаккато деталей, подвижные планы.

Сигаретные трубы тепловых станций сводят к равенству
доходные ренты и барочные стансы.
В генах города — сопротивление слепой материи данности,
в сердце — наивность и таинство.

Замерзшая Нева продолжает карту набережных и тротуаров.
Следы голубей и людей дополняют маршрут.
В полночь сфинксы, очнувшись от сна, меняются местами,
Тень Бастет — в зазеркалье проход.

Кто же тот архитектор, что склонившись над листом ватмана,
стачивает карандаш о мрамор и лед?!
Пшент пылится на книжной полке, грифон дремлет у ног.
По старинке чертежничает Атум.

* * *

Кардиографика шпилей — сон питона и ныне
спокоен и тих.
Пожалуй, в районе бухты короткий скачок —
закрученный винт.

Где бедный Пётр спасал утопающих моряков,
их спас, себя — нет,
там и сейчас залив сияет мерцающей чешуей,
турмалиновой — ночью, аквамариновой — днем.

А потому
вывернутый наизнанку слой сохраняет объем,
как сорванный лист.
Он сначала красив — свободен, чист и ребрист.
Но земля
одинаково разные вещи, упавшие на ее лицо,
пропускает через кольцо органики.

Питон с севера на юг меньше тридцати верст.
Неподвижен, возможно, пуст.
Если не знать из уст старожил коммуналок,
что все тайны,
а также крестово-купольные храмы, магазины,
лофты, коворкинги, настил резины,
он в это время переваривает,
то можно легко обмануться в своих ожиданиях.

* * *

В центр круга камней опустил свою тень черный ворон —
белый пар взлетел к небесному подворью и выше —
к хорам зодиака и полям межзвездной Итаки,
достиг нулевой струны и исчез.

Уроборос Млечного пути замкнул круг:
теперь фон обрел плотность и контур,
а фигура, испытав испуг, растворилась в кружении.

Верховные совета семи переглянулись между собой:
одна кинула соль — и ее тростниковый посох расцвел;
другой — огонь развел, ну а третий сбросил слой кожи;
четвертый, лилипут или карл, казался строже других,
разнолетних мотыльков детских слез приманил;
пятый из них обсидиановым зеркалом двор осветил;
а шестой — призвал к себе воды Земли —
настоящие и остановленные в течениях белым гением;
седьмой начал свой разговор.

— На одной оси одна башня с армиллярной сферой,
а другая — с крестом:
диалог с отцом,
диалог с кольцом.
Обернется старик Уроборос еще раз — и сон венцом.

Обернулся Уроборос — и спустился сон
на веки истуканов — канул в Лету
ответ каменных.

До пробуждения шаг —
всего шаг осознанности и внимания.
Белый ворон распростер свои крылья гигантские
от конечной ночи до праведного рассвета.
Как подвижны и проницаемы границы и тело тьмы!
Как прозрачны и мужественны руки-крылья света!

* * *

Бирюзовый лес спустился на болота с лиловых небес:
за корнями с поверхностных и глубинных высот
приползли ужи, гадюки, мокрицы, поспешили ежи;
за стволами и листьями потянулись птицы,
а за птицами — соцветия цветов упали в росу,
к утру-ведуну сочные гранаты звезд вошли в рост.

Как они уживутся с прялками-судьбозубками,
с прекрасными и жуткими чухами, горьким ягом,
с нашими повитухами сумерек и хрупкими
полуживчиками, с ранней безразличкой?
Куда нам всмотреться ушами и донестись эхом,
если за сошедшим лесом приготовились следующие?

Ах, золотистая володушка и медовая облепиха,
был зайчонок: то за корягу спрячется, то в дупле укроется:
тихий, когда лес шумел, громкий, когда тот редел,
вот уж зайчонок, таки-аки; осмелел пострел, да не успел
скрыться в очередной лес, рухнувший с небес.
Где он теперь? — На руках мертвого Бойса.

Пусть стелется мох, пока волокнистый торф не просох,
не смешалась глина с песком в составе искомом;
что-то возникает из порыва и наполняется дыханием,
а что-то прорастает из распада, в слизи, иле и гязи.

Кто разводит по краям жизнь и смерть, конец и начало?..
Скоро у нас сезон ягод. Будет фруктово-ягодный чай!
А сейчас — нет, не прощай — до встречи!..

Спорыш птичий да голубика, как вам в лиственном лесу?
Лопух дорожный да ежевика, где вы в небесном дыму?
А зайчонок тот, с ноготок горы, появился еще раз:
пенсне на носу, уши-антенны, брюки с лампасами —
мелькнул среди сосен и скрылся в инфракрасном потоке,
потом его якобы видели в атоме, только это не точно.

ИСТОК

Я видела одно отражение, что потеряло исток.
Я видела отражение, вобравшее гул дорог.
В нем были бродвейские вспышки
софитов, неон реклам;
в нем пробегали лесными тропками мыши,
и их укрывал туман;
в нем мелко дробились рифмы
под карильон ветров;
в нем бесы и серафимы
бессрочный держали спор.
Однажды в нем проявились лица
с каких-то забытых пор.

И вот.

Глядит на меня отражение, что потеряло исток,
и говорит:
ты мне нравишься в конце всех моих дорог;
и говорит,
я знаю: меня не полюбишь ты,
но мне так привычно скитаться
по закоулкам чужой души,
то дворового мальчишки, то девицы, то соловья,
что все твои отражения я вытесню из огня
твоих неизвестных песен,
твоих быстротечных строк,
я — Левиафан подземелий,
растраченный кукловод,
так вот:
тебя проверяет Бог.

Меня проверяет Бог.

На перекрестке смыслов, на средокрестии слов,
под шум ароматных ливней,
под набирающий скорость ход
мыслей,
разогревающих в сосудах и венах кровь,
под всем наносным тряпьем,
истлевшим от непогод,
не различить истока, пока
не услышишь вдруг —
скребется в углу ребенок,
сжимает в руках испуг.
Испуг он, как мишку, качает,
а иногда от себя отшвырнет
и наблюдает,
как тот его отражает и веселится,
и переходит в восторг.
И это — исток.

Так вот почему столь долог
и лихорадочен всплеск,
распределенных тобою по каплям дизелов,
засевших в его и ее голове,
— неважно —
тех, кто не может нажраться
от мягкости и простоты,
но рвется с химерой сражаться
и плавиться на ветру.
И все же они по ту
сторону
кода.

Я никого не ужалю (а ты уже запечатлен),
не вытесню, погружая в десятилетний сон;
я никого не сотру, как меня стирают
по буквам,
слогам,
строфам,
по клеточкам выбивают меня из моих же ран
и превращают в хлам.
Итак, я не стану:
не потому, что Бог проверяет,
скорее проветривает иногда,
а потому что есть предписание сердца,
рассудка,
ума,
закон соответствия — когда
они вместе — осознанный свободный выбор.

* * *

...что со мною случилось тогда? —
была какая-то череда совпадений,
вызвавшая щелчки замков и треск опор в разных домах жизни.

Этот смерч ворвался в меня, как стая гиен, стая диких волков,
поднял, стиснув до слез, и завихрил в карусельном кружении
мое сердце, печень и мозг, почки и тонкие клавиши позвонков —
все несло по какому-то кругу оглушенно в неистовом танце,
то поднимаясь под крещендо вверх, то уже опускаясь вниз
до хрипоты истаявшего терпения.

Потом смерч отступил, и органы грузно упали на свои места,
помедлили, пропустив интервал полдня,
и, отчитав до ста,
вздрогнули.

* * *

Мембрана живого леса вибрирует в тесном
соприкосновении с местом рождения слова.

Межзвездная брана скрывает от глаз дерево,
зеленое и золотое с танцующими ветвями,
где легковесная птичья стая играет в прятки,
а с приходом сумерек исчезает в раме заката;
где души людей, животных, растений, камней
поднимаются и спускаются в сиянии агата,
точно по ступеням лестницы, открывая страны,
становящиеся в танце листьями и ветвями.

Там, в ветвях, справа, как в материнской утробе,
спит младенец-слово, подальше от пробы времени.

БЕЛЫЙ ШУМ

Когда приходишь домой,
то, чтобы сбросить с себя все звуки,
включаешь белый шум.
И на круговом повторе
он миниатюризирует все неживое.

Белый шум частит дождем в твоих наушниках —
 фоновый спутник и опытный рулевой, —
 каждый выбранный звук он заканчивая —
 отсрочивает до простой
 фактичности.

Есть все признаки, выделяющие нечто из череды,
но если в нем нет структурированности,
черты общим потоком сняты
или
в гулкой инерции сведены
к дробному частотоку.

Стертые значения означивают контур тела —
выход к переменной, простой;
в этом уравнении ты не сможешь вынести себя за скобки:
чуткость кожи впитывает сиплый белый,
вибрации света и покой.

* * *

Вверх — это хорошо, а вниз — это плохо, —
 подумал трубчатый сталактит, —
 И капля за каплей он увеличил ритм возрастания к чреву пещеры.

Непонятно, где верх, и неясно, где низ, — расстроился березовый лист, —
А ветер понес его по собственному руслу легко и быстро — по мановению.

По необходимости — вверх, в неизбежности — вниз, —
 пискнула летучая мышь, —
 Важно, чтобы явь предметов была такой же плотной,
 как барабанный диск.

МАНИФЕСТ БАБОЧКИ

*Земля летела
по законам тела,
а бабочка летела,
как хотела.*

К. Кедров

О, как оставить этот звук,
такой свободный и крылатый,
наследник правды непонятной
в тысячелистнике разлук.

Сияет полуночный куб,
и бабочка летит на яркий,
проговоренный и распятый свет,
но для нее страданий нет.

И свет как звук, и звук как свет
проходит через гул планет;
смыкается галактик круг
в короткий взмах и трепет лет.

* * *

Выбирая между «или — или», я остановлюсь на тире —
в нем — горизонта сдвиг и бесконечность линии,
убегающей от точечного ядра.

Выбирая между «или — или», я предпочту кавычки —
в них, кроме привычки, заключена условность,
отрешенная от догм «бытия».

Выбирая между «или — или», я обозначу пустоты —
в них — башкирские степи и пчелиные соты,
сотканые из солнечного янтаря.

И с очень большой вероятностью я
(как, впрочем, и другие) — не смогу, да и не восприму
категоричности хлыста.

* * *

здравствуй, моя бусинка:
глазки-щелки узенькие и смешливый рот;
да бусинка на ниточке,
ручки, ножки спичечные: быстрый переход;

бусинка-горошинка села на порог;

хлопает отрывочно
ветер серафимовский — он похож на филина,
мельницу дорог, он похож на краба
в раковине сада или на покров;

я его встречаю на пересечении пяти углов;

слушай, моя бусинка:
ты скользнешь по ниточке Мебиуса той,
обернешься птичкой, птичкой-невеличкой
в царских черевичках;

ай да невеличка, подожди, постой;

ангелы сложили лиственные крылья —
все деревья леса ждали долго вести о тебе, родной,
а теперь и травы вместе с родниками
подхватили мессу:

вот и ты — горошинка, бусинка, жемчужинка;

не сиди до ужина, девочка моя;
а когда надумаешь вслух и про себя,
ниточка взовьется, ниточка тебя коснется —
ниточка-стезя.

* * *

Май! Семь утра. Что не спится? —
чирикает новый день, а за ним — последующих вереница.
Я — на севере. Мне все снится под болотной хандрой,
даже этот солнечный луч, что упорно долбит
в трюмо через марлевые ресницы.

Суетливый назойливый еж,
он лоснится и разбрасывает свет по углам так же громко,
как домашний енот перебирает страницы.
— Не ворожи. Меня — нет. Я — не здесь и не там.
Я удалила все следы свои по плоскостям и за их пределами.

А луч утончается до спицы.
И чем тоньше становится луч, тем плотнее узорчатый платок
достоверности. Он пульсирует и переделывает
пропорции, фон и места —
импульс, а не материя. Он барабанит уже у виска.

Не проспи, не проспи, не проспи это лето!

* * *

Сомнение прыгает по ухабам, хлопает крыльями и ухаёт,
вылетает в полночь предчувствия вместе со слухами,
когда все логические доводы отсвиристели,
а ясность, ребячески отрывистая и веская,
Кармен — шаг с носка —
с запасом тухлых яиц по карманам,
только встала с постели и еще не успела
довести до предела;

и тогда:

всякое непротиворечивое утверждение ложно;
всякая ложь логически непротиворечива,
если она успевает менять личины
и носки по утрам.

Вот тогда:

сомнение расправляет свои древние черноокие крылья,
чтобы наполнить перья воздухом,
возносится с тыльной стороны в облачное
междумирье,
между тем, по сю сторону — длинные линии
электропередач убрали под землю,
на месте пустыря выросло поселение номер два,
а сомнение все парит...

парит и видит:

все доводы разума — защитная базовая
реакция на огонь;
что может рука знать об огне, кроме боли от прикосновения,
кроме объяснения боли?!

* * *

В поступательном движении травы на газоне —
я вижу плавное развитие ветра:
вот он крадется по веткам, стучит в оконные сетки,
а вот — бьет во все литавры,
наклоняя к плоскости гибкие листья тюльпанов,
ирисовые ткани.

Нас разделяют разные оси координат,
разная скорость вращения.
Я стремлюсь снять свои отчаянные максимализмы
в барочных суждениях и письме,
он — в нарушении вертикалей статичных структур,
тавтологий, повторов.

Нас объединяет плотная интенсивность присутствия,
вынесенного вовне, и условность.
Среди выверенных композиций мертвых картинок,
стаффажных фигур
нас роднит частота волн в точке соприкосновения
мертвого и живого.

Поэт, литературный критик. Член правления Академии российской литературы, Заслуженный писатель МГО СП России, член Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ДИАЛОГИ С АВТОРОМ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ «Я ИДУ ПО ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ»

* * *

*Что делать! Лишь то, что не делать нельзя,
Любить, но давая по шее задирам.
Идти, не виляя и не лебезя
Пред суетным миром.*

Евгений Степанов

Он личным примером нас лечит
Не так, как простак Дон Кихот:
Он явно — на сердце и плечи
Осмысленно ношу берет!

В любом огорченье глубоком
С печальями биться готов,
Он третьим невидимым оком
Вокруг излучает любовь.

Внимая небесным хоралам
И демонов зависти зля,
Как рыцарь с открытым забралом
Идет по планете Земля.

ЗРЕЛОСТЬ РОСТА

*Я мечтаю давно эмигрировать в СССР.
Евгений Степанов*

Пока поэзия природы
Стихами полнится вокруг,
Все жарче пламя, глубже воды,
И громче фальшь от медных труб.

Но нет мечтанья бесполезнее:
Как я судьбу ни укоряй,
Мне параллельный мир поэзии
Навряд ли даст путевку в рай.

И, подходя к последней тризне,
Все крепче, видно, неспроста,
Я помню миф о коммунизме,
Но верю в крестный путь Христа!

* * *

*Жизнь ранит остро-режущее,
калечит хуже сечи.
Я попрошу убежища
в нирване русской речи.
Евгений Степанов*

Я здравого смысла найти не берусь
В таком режиссерском «прононсе»,
Когда нам исконную русскую грусть
Английский напев преподносит.

Когда мы за русские песни — горой —
И нет их дороже и проще,
Зачем заграничные песни герой
Поет у березовой рощи?!

Не любящих русский народ и язык,
Не помнящих предков и Бога,
Хотя этот список не так и велик,
Но сыщется, видимо, много.

Желающих, чтоб россиянин отвык
От слова связующей силы...
Но русские люди и русский язык —
Опорные камни России!

ДОРОГА

*А надо мною небо синее,
А подо мной родной суглинок.
Евгений Степанов*

Конечно, тайн у мироздания много,
Но код существования — дорога:
В земной юдоли скоротечно тленной
Мы — странники по сказочной Вселенной.

Никто не знает, что там впереди,
Но все равно приходится идти,
Нещадные мозоли натирая
В дороге до обещанного рая.

А по бокам — леса, поля, курганы,
Деревни, села, города и страны,
Курорты, санатории и дачи,
А за удачей следом — неудачи,

Ухабы дней, вечерние утехи,
То огорченья, то опять успехи.
За далью лет, где все балы, кимвалы,
Лесоповалы, драки, карнавалы.

И свадьбы, где в шатрах кутили гости,
И скорбные прощанья на погосте.
И встречи на родительском пороге,
И стертые в пути до крови ноги...

Так было и останется всегда:
С младенческого крика до Суда
Все вьется бесконечная дорога...
От лона мамы до подножья Бога.

«АНТИДОТ»

*Прости себя — смешного, грешного.
Тупого, странного на вид.
Найди дитя в себе, утешь его —
И Бог простит.*

Евгений Степанов

Если, проникая в суть
 праведных скрижалей,
Озирая прежний путь,
 мы грустим в печали,
Сквозь разгульный карнавал
 приближаясь к тризне,
Что подарит нам финал
 уходящей жизни?!.
Вспомним счастье непростых
 долгих дней и ночек,
И не станет никаких
 сложных «заморочек»:
Если помыслы чисты,
 как ни грешна плоть,
Пей из чаши красоты
 все, что дал Господь!

Я ДУМАЮ

*Но ищи свет и точку опоры,
из себя выкорчевывай ложь.
И свернешь героически горы,
если шею себе не свернешь.*

Евгений Степанов

Не стоит строить планы предстоящего,
Будь хоть мелки они, хоть грандиозны,
Судя о прошлом в мерах настоящего,
Как корни этих мер ни одиозны!

Как долго людям жить бы ни хотелось,
Как Небо о бессмертье ни моли,
А наши детство, молодость и зрелось, —
Как эры и эпохи для Земли.

Вспорхнут года и улетят, как птицы,
Пока вполне не осознаешь ты:
Судьба твоя разбита на седмицы,
Причастья, литургии и посты.

И жизнь летит, листая наши годы:
«Царизм», «социализм», «капитализм» —
А мы, в пределах нравственной свободы
Преодолев животный эгоизм,

Должны стараться, не творя бесчестья, —
Возможности, надежды и мечту,
Удерживая в чаше равновесья,
Не уронить, переступив черту.

* * *

*Хочешь не хочешь, а все мы во власти
Совести, жрущей, как сало, сердца.*
Евгений Степанов

Терплю за потерей потерю,
И вроде бы совестью чист,
И вроде бы в Господа верю,
Но все-таки, как атеист,

Живу без церковных причастий
И каюсь ночами в слезах.
И демонов прошлых несчастий
Встречаю глазами в глаза.

Они мне лукаво моргают,
К минутным соблазнам маня,
Но Бог устоять помогает...
Он, видимо, верит в меня.

О КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ

*Испытание — это награда.
Про другие награды забудь!*
Евгений Степанов

Хоть наше городское «Долголетье» —
Подарок ветеранам-старикам,
Но все-таки при встречах на банкете
Ворчат они, порой, по уголкам,

Что и веселье ныне как-то пресно,
Что пролетели лучшие года,
И стало жить не так уж интересно,
И даже как бы в тягость иногда...

На всех людских деяньях на планете
Лежит диалектическая тень:
Чем дольше мы живем на белом свете,
Тем качественней каждый новый день.

И по причине уходящей бодрости,
Которой так недавно козырял,
Я жить убавил разве только в *скорости*,
Но в *качестве* ничуть не потерял!

* * *

*Я счастлив — хотя б на лето —
Удрать в берендеев лес.*
Евгений Степанов

Давно дарились предкам нищим
Подарки милостью небес —
Людские первые жилища:
Шалаш, пещера, щедрый лес.

А город — клетка для народа:
Как в твердокаменный базальт,
Здесь замурована природа
В бетон, железо и асфальт.

Иду под кровы дорогие,
Где птицы в благостной тиши
Хорами служат литургии
Для измордованной души.

Рдяными каплями рябины,
Слезами ивы окроплюсь,
И грустной горечью калины
Меня пронзит Святая Русь!

* * *

*Харон маячит на пороге.
Я приглашу его присесть.*

.....

*Он будет добрым после стопки —
Отсрочку даст. На полчаса.*

Евгений Степанов

Лучезарный рассвет завершает полет,
Унося легкий след быстротечного пира.
И закатная медь за туманом плывет
По вечерней росе, где кручинится лира.

Только сердце поет, и не может не петь
О щемящей красе уходящего мира...
Грустно думать о том, что уже не успеть
Стать упрямой судьбе за отца-командира.

Но, когда в утлой лодке угрюмый Харон
Переправит нас водами Леты,
Мы былые года позабудем, как сон,
Окунаясь в иные рассветы.

СП XXI ВЕКА

Те, кому молчанье вроде груза,
Под которым скрыта подоплека,
Собрались под крышами Союза
С номерным обозначеньем века.

Здесь раздумья выражают в прозе
Маги, предсказатели, паяцы.
Здесь поэты — вроде мафиози:
Люди их и любят, и боятся.

Здесь они, беседуя, вскрывают
Тайные огрехи «аппаратов»,
Так, что иногда подозревают,
Что в СП укрыт «Союз пиратов».

И пока, возможно, слишком рано,
Но открыто я признать берусь:
Главный «мафиози» — дон Стефано —
Строгий туз с крестовым знаком плюс!

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ АЛЕКСАНДРУ БАЛТИНУ

*Проза жизни: суды, пересуды —
компроматом и матом измажут,
А поэты — такие зануды:
в простоте и словечка не скажут.*

Он держит в неведение нас,
как цветы на морозе,
А мы терпеливо дрожим,
ожидавая свой час...
Рецензия Балтина —
это поэзия в прозе,
Порою с трудом догоняет ее
даже резвый Пегас!

Май 2025 г.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

В МАЛЕНЬКОМ САДУ

2 МАЯ 2025 ГОДА

Нагрешил, похоже, человек,
Ежели набычилась природа,
И 2 мая выпал снег,
И земля к посеву непригодна.
...Я смотрю — грустя — на огород, на
Яблони безжизненный побег.

2025

КАТРЕННАЯ РОССЫПЬ

I

Столп моего мировоззренья:
Родился — так живи, терпи.
Мы промежуточные звенья
Одной цепи.

2025

II

Февраль растает вскорости под чарами весны.
Капель об этом ранняя без умолку судачит.
Сидит душа-воробышек на веточке сосны.
Душа моя-воробышек чирикает, не плачет.

2025

III

Душа — обугленная ветка.
Так говорили, и не редко.
И я теперь так говорю.
И пропадаю, и горю.

2025

IV

Иду по лезвию ножа,
Похож на жмых и на бомжа.
Не знаю, к своему стыду,
Зачем иду. Но все ж иду.

2024

V

Старичок идет, сутулится.
Голова его лыса.
...Как-то очень быстро улица
Переходит в небеса.

2025

НИ С КЕМ НЕ СПОРЯ

Как ни странно — до сих пор живу.
И, отмечен муравьиным рвением,
Собираю прелую листву
В маленьком саду своем весеннем.

Сколько мне еще осталось лет
(Или дней?) до финиша-финала?
Я хочу, чтоб суета сует
Жизнь мою ногами не пинала.

Я хочу разжечь большой костер,
Сжечь листву и партитуру горя.
И сказать себе: — Как ты хитер!
И спокойно жить, ни с кем не споря.

2025

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ

Я страсти не лелею
И свары не терплю.
Но я тебя жалею,
А стало быть — люблю.

Жалею и, желая
Тебе щедрот с лихвой,
Я говорю: — Живая
Жизнь лучше неживой.

Мое простое кредо —
Бесценен каждый миг;
Живая жизнь — беседа
Спокойная — не крик.

А лучше — если вовсе
Двоим не надо слов.
И в этом парадоксе —
Основа всех основ.

...Пускай же эти двое
Не спорят о пустом.
И все, что неживое,
Оставят на потом.

2025

ЖИВУ

Болезней — воз, а зохен вей,
Я их поймал безумной сетью.
И наблюдаю за своей
Грядущей, неизбежной смертью.

Смерть села рядом — на тахту.
Сулит покой, коврижки Рая.
А я, хоть жить не вмоготу,
Живу, судьбы не выбирая.

2025

НАТАША КИНУГАВА (НАТАЛЬЯ БАЕВА)

Поэт. Родилась в Краснодарском крае. Окончила музыкальное училище при Московской консерватории имени П. И. Чайковского и Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Дети Ра», «Латгальский поэтический вестник» (Латвия), в альманахах «Русский смех», «Артбухта», «Русское эхо», в антологии «День поэзии. XXI век». Автор поэтических сборников «Чувство пути» и «Нетвердый переплет». Член Союза писателей России. Живет и работает в Москве.

...В ЛОДОЧКЕ-ВЕНЕЦИАНКЕ

* * *

Маленький летучий мышонок
Умирал у меня на ладони.
Я нашла его на пороге —
Кто-то прокусил брюшко.
Он дышал тяжело всем тельцем,
Он кричал совершенно беззвучно:
На своих, нам не слышных, частотах —
Кто тебя, малыша, пожалеет?

В эти дни мир стоял на пороге
Человеческой пандемии.
Виноваты летучие мышки...
Так и есть. Так и есть. Так и есть.

* * *

...И мы стареем из-за «новостей»,
«Век эффективности» нас делает слепыми,
От «умных» слов — немеет и тупеем.
«Ментальность»... ох уж эти умные слова.

* * *

Какая разница?
Вот зайчик сверху смотрит.
Листья клена
Сложились зайчиком под каплями дождя...

* * *

Мы в молодости видим нашу старость,
Высматриваем очертанья смерти.
Но в старости мы видим нашу юность,
И смотрим, смотрим, смотрим...
И наше наслаждение горчит,
А горечь наша острая как счастье.

* * *

Надо, надо, не надо, надо...
Давно не смотрела на мир
Расслабленным взглядом.
Давно не смотрела —
Так, чтоб в глазах не пестрело.
Так, чтобы не в прицел,
не в утробе местного тира...
А мир — нетленен и цел.
Давно я не видела МИРА.

ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕТИ

1. Очки

У девочки Лизы маленькие кулачки...
Ей скоро четыре, и мама ей купит очки.
А если не купит, то мама тогда — берегись!
«оцки или зись!» — и мама выберет «зись».

2. Охотник

Лиза — охотник: возьмет вас на мушку...
И Васю, и волка, и всяку зверушку.
В парке той дичи — готовсь, цельсь и пли!
Пиф-паф! — и добыча трепещет в пыли.

3. Вася-Шуруповёрт

У мальчика Васи прозвище Шуруповёрт.
Он вывернет все, но обратно уже не ввернет.
А завтра три годика Васе — почти юбилей.
Хорош его домик: ни окон, ни стен, ни дверей!

4. Ружьё

Лиза имеет «бальсое лузьё»!
Ствол его сделан как будто из ё-
Ёлочной ветки, изящен и прост.
У Лизы с ружьём одинаковый рост.

ЗВЕЗДА

Дуют добрые ветры и злые ветра!
Сколько времени нами напрасно потра-
чено: вмятиной сердце в стене как в огне,
но и это еще — нет, не все, не вполне...

нежный шарф Айседорин трепал ветерок,
а поодаль норд-ост потопил катерок,
и совсем вдалеке разошелся зюйд-вест...
не дыши: ни души, сколько глянешь окрест.

Ударяются в стекла большие дела
Чьих-то рук! Нам бы ветра еще, не деля
На попутные, злые, чужие, свои,
На сезоны, м/с не деля, на слои....

Дуйте, ветры, — отсюда, а иные — сюда.
И не падает с неба, звонко светит звезда...

ЛИЦО

Щеточкой — ресницы.
Карандашом — стрелки.
Пудра, румяна, помада.
Потом все это смыть!
Целая индустрия!

Но время приходит —
 шарики
от кругов под глазами, кремы,
лосьоны, скрабы. Такие,
сякие, разэдакие. Маски,
примочки, отточки. А если
в поход? А если мы знаем,
что остров теперь — необитаем?..

Что делать с лицом?! Что делать лицу?!
Как жить, ведь лицо — умрет...
Тогда для лица найдется
вода. Огурец! А когда не станет
огурца и воды, будет снег,
и можно будет умыться...
Когда же не станет лица,
Кто-нибудь разведет огонь...
Ничего страшного, ничего страшного,
Умойся, умойся огнем!..

* * *

...И весла скрипят ненатурально,
И месяц взойдет нас венчать...
Еще повстречаем, что нужно
на нашем пути повстречать.

(Мы в лодочке-венецианке,
с притихшей ручной обезьянкой.
Тепло. Адриатика. Ночь.
Нам звездную пыль растолочь...)

И эта простая ремарка:
Ушел отдыхать карнавал;
И Лев ослепительный Марка...
И весла, и верный штурвал...

ДВА РАССКАЗА

У ПРИРОДЫ ЗА ПАЗУХОЙ

Переломные (они же лихие) девяностые. Жизнь закручена и разверзнута. Новое еще не нарисовали, а старое размазали, развезли, растерли и затоптали. Долгожданные ожидания счастливой жизни сменились лихими наворотами и вывертами, зацепками и защелками, разладами и разгулами, разводами и расхлестами. Наступала весна, и молодой март, переменчивый, как капризный жених, согревал атмосферу и ее обитателей своим грудным дыханием, принося желанное облегчение. Однако день еще начинался легким морозцем — он сковывал привычной, пусть слабеющей, хваткой окружающую ауру, подтаявший снежок, озорные лужицы и заставлял прохожих, поспешивших одеться в легкие куртки, поеживаться.

Я уже не раз видел этого обросшего неухоженной щетиной человека, который двигался с каким-то странным скарбом и двумя собачками по дворам и закоулкам. Он часто останавливался, поправляя и перекладывая поудобней свою ношу. С одной стороны у него болтался увесистый узел, а с другой — туго набитая сумка. Сбоку он прижимал, как рыцарский щит, металлический таз, через плечо висела матерчатая сумка, на спине — пузатый мешочек с каким-то барахлом. Одет он был... нет, сказать, как называется то, во что он был одет, не кривя душой, — задача не из простых. Его голову прикрывало некое подобие спортивной шапочки, которая явно отслужила уже не один лыжный сезон, а верхней одеждой служила то ли изношенная телогрейка, то ли выдавшая виды утепленная спецовка. Ближе к телу виднелся свитер непонятного цвета, который прикрывал не то майку, не то честно отслужившую свой срок рубашу. А вот то, что шло книзу, плохо вписывалось даже в этот пестрый ансамбль — это было нечто, похожее на женский сарафан. Из-под него выступали брезентовые брюки, заправленные в высокие сапоги, один из которых зачем-то был спрятан под защитную материю, применяемую

при химзащите. Наверное, он защищал потерявший свою былую герметичность сапог от весенней влаги.

Идти страннику было неудобно. Ноги то и дело проваливались сквозь подтаявшую корку и рыхлый снег. При этом он терял равновесие, негромко чертыхался, а затем снимал и поправлял, опять снимал и вновь обвешивал себя своей «роскошной» амуницией. Но вот человек прошел наиболее трудный участок дорожки и присел на возвышение из плотного снега, возле которого сквозь лужицу уже проглядывала талая земля. Тут-то я и поспешил утолить овладевшее мной непраздное любопытство.

— Извините, давно ли вы вот такие круизы делаете? — напрямую спросил я, по привычке обращаясь к незнакомым на «вы».

— А-а, давненько. С восемьдесят третьего года, — откликнулся мужчина, не обращая внимание на беспокойство маленькой собачки, которую он держал на поводке. Вторая, побольше, без всякого волнения, с интересом оглядывала нового человека. — Обманули меня: дом на снос шел, с квартиры выписали и оставили с носом.

— А вы один жили?

— Ну да, жена отдала Богу душу, остался один.

— Где же вам теперь приходится ночевать?

— Да какая разница! Ночую и ладно, — добродушно ответил он.

— А зимой? — недоумевал я. — Прямо на снегу спите?

— И что? Снег-то греет. Он же мороз не пропускает, — просветил меня незнакомец.

— Ничего себе, — подумал я. — Как на войне.

— А вы в разных местах сны смотрите или как?

— Всяко бывает. У тамошних гаражей хорошие места есть — он махнул свободной рукой в сторону участка на дальнем пригорке. — Вон на том спуске. И вода там чистая.

— В самом деле? — снова удивился я и тут же спросил о хлебе насущном:

— А что вы едите?

— Э, да чего там! Всегда что-то найдется. Картошку прямо в оболочке погрызу и хорошо — в ней сырой-то пользы больше. Гнилую не ем, с ростками можно, если маленькие. Или сухариков наберу. Да и помогают мне когда. Мир не без добрых людей.

Это верно, думаю. Добрые люди еще не перевелись. Только как же без горячей пищи? Или воды кипяченой? И сразу в лоб:

— Ну, а помыться-то не получается? Вы что, немытым ходите?

— А-а, снежком обтерся — и опять любовь.

— Хм, — удивляюсь снова. — Ну, а все-таки, как вы зимуете? Морозы ведь!

— А меня борода греет. Чего жаловаться! А вот ты без бороды! — упрекнул он меня. Я посетовал, что вчера перед важной официальной встречей побрился.

— А ночью? Ночи-то студёные.

— Оно, конечно, — согласился мужчина. — Ночью собак с двух сторон кладу — от них и тепло. Собачья шерсть всю стынь прогоняет. Вот так и греюсь. Это еще от эскимосов идеет — с собаками спать. Я на Севере это понял, когда там жил.

— Там вы на Севере были?

— И на Севере, и на Востоке.

— А что вы там делали? — зацепило меня опять.

— Сослали меня туда.

— За что-о?

— Оказал сопротивление власти.

— Ах, вон как, — соображаю. Значит, с милицией не ладил.

Но допытываться не буду. Не резон.

— А вы за это время не болели от простуды? — уточняю. — Температуры-то в середине зимы ух какие бывают!

— Да нет. Бог миловал.

— И сколько градусов терпеть приходилось?

— А шут знает! Я же не мерю.

Надо же, думаю, какой счастливый. Фу, что это я!

— А собачки откуда? — задаю следом не самый умный вопрос.

— О-о, это не шухры-мухры! Проснулся раз — смотрю: кутенок возле меня. Заблудился, наверно. Так и стал моим. Потом по ходу дела и с другой собачкой подружились. Вот теперь втроем.

— А давно вы из Сибири?

— Да годков пять будет.

— А до того в каких краях жили?

— Родился я в тепле, в Молдавии. Мать сразу умерла, привезли меня потом к деду — он тоже вскоре помер. А что вы все спрашиваете? Пойду я.

Я немного растерялся, но не смел перечить: зачем задерживать человека, если ему некогда. У него же свой режим. Да и опасается, наверно. Может, я злопыхатель какой? Или доносчик? Мало ли что у меня на уме.

И, как бы спохватившись, бородатый странник поправил свою пеструю ношу и пошагал дальше, левой рукой держа на поводке собачку.

Ну ладно, увидимся в другой раз. Может, тогда помогу чем. Советом каким. Или лекарством. Куском хлеба, наконец. Заодно и покумекаем.

Я всерьез задумался. Вот ведь люди: ни кола, ни двора, а не унывают, борются за жизнь и — живут! Как ему удастся? А, может, его природа защищает? Может, он для нее свой человек? Он ей доверяет, а она его бережет? Ну да, он же ладит с ней, не перечит, не обижает. Он же с ней на «ты»! И она заботится о нем, отгоняет от него всякие болезни и прочие напасти. Вот так трудные времена вместе и кукуют. Мы-то все дальше и дальше от нее, вредим ей, мстим, а он с ней заодно. И от нее ни на шаг!

Мой новый знакомый постепенно удалялся. На повороте он слегка развернулся в мою сторону, и я приветливо помахал ему рукой. Мартовское солнце, с которым он дружен, как никто, с улыбкой заглянуло и мне в глаза. А оно для него — как ни для кого, свой человек: согревает кровь в жилах, делает его тело и дух теплее и дает ему шанс жить, а не просто мыкаться.

ПРИ СВЕЧАХ

Виталий, вузовский преподаватель в звании доцента, ехал на рейсовом автобусе в отпуск к себе на родину, где прошло его детство и отрочество. До родного села оставались считанные километры. Миновав колхозные поля с бодро созревающими под июльским солнцем злаками, автобус поднялся в горку, и — у Виталия екнуло сердечко: перед ним развернулась вольная картина полей, засеянных пшеницей, овсом, викой, что перемежались неглубокими ложбинками. Их дополняли сочные акварели заливных лугов с протекающей вдали извилистой речкой Пьяной, за ней предстали эскизы пристанционных домов с железнодорожной веткой, которые, как щитом, прикрылись холмистым рельефом, а еще дальше, как бальзам на душу, частица его самого — озаренные солнцем упоительные этюды родного и такого земного села, основанного еще в 16 веке во времена Ивана Грозного.

Дальше автобус уже катил, как по длинному зеленому коридору: дорогу с обеих сторон обступал свой, уютный, бегущий ему навстречу и с малых лет ставший другом смешанный лес. Светлая дубовая роща манила к себе насладиться сенью русских красот, воспетых в стихах и прозе. Первозданную природную прелесть молодого березняка сменил геометрически выверенный сосновый квадрат. Невозможно было оторваться от этого великолепно-го зрелища: устремленные к небу деревья покоряли своим роскошно изысканным и в то же время строгим видом, что открывался из окна автобуса. А уже вскоре привычное к бугристо-шершавой дороге транспортное средство проезжало мимо перелеска, где Виталий так любил собирать землянику и орехи. Однажды он нашел там белый гриб-великан, который прихватил с собой в город, чтобы показывать всем, и даже отнес в редакцию областной газеты, где и появилась заметка об этом чуде.

Оставалось проехать еще каких-то 4–5 километров, но каких! И тут в автобусе что-то затарахтело, мотор, поперхнувшись, начал издавать беспорядочные звуки, похожие на стариковские вздохи, и замолк. Пассажиры всполошились, недоуменно поглядывая то в сторону кабинки, то на дорогу. Шофер, весь взъерошенный, вышел, заглянул туда-сюда, почесал в затылке, что-то покрутил, постучал, вернулся в автобус, попробовал еще несколько раз завести мотор и объявил:

— Все, граждане, приехали.

Виталий хотел было расстроиться, но подумал: а-а, дойду пешком. Отсюда до дома рукой подать. Подумаешь, багаж. Да здесь по родному пейзажу идти хоть груженым, хоть порожняком — одно удовольствие: дыши от души. Повесил большую сумку на плечо, взял в руки чемоданчик, накинул плащик на другое плечо и пошагал. В такт шагов в сумке позвякивала металлическая посуда, которую он вез с собой (какая еда без посуды), но это его не беспокоило: ожившая память о родных местах заслоняла все. Нес он в своем багаже также и кое-что нужное для ремонта: ножовку, плоскогубцы, гвозди разных калибров, замок для сарая, наждачную бумагу — все, чего так не хватало для полного счастья жизни на селе. А в чемоданчике были спортивный костюм, брюки на выход, чистые сорочки, пара простыней, наволочки. Везти какой-то деликатес типа замороженной курицы не было смысла: холодильник на сельской «даче» ему какие-то вандалы в прошлом году, пока он на своей работе в городе пот соленый проливал, как следует «починили».

И вот он идет, не торопясь, по обочине дороги, по сторонам смотрит. Справа — молодой соснячок, маслятки в нем — объеденье. А там от большой дороги отходят две грунтовки. По той, что справа, он мальчишкой вместе с друзьями когда-то гонял в дальний лес, стоя в кузове полуторки. Это была одна из трех машин на селе, которую тогда послали

за дровами, а они напросились покататься: водитель, что от электростанции, попался понимающий. Очень классно было: возвращаясь, сидя на чурбаках, подпрыгивать на ямках да ухабах.

Недалеко от того леса жил еще один его друг, Толя, у которого он бывал в гостях. Там Виталия ждало немало интересного: Толик много чего придумывал. Спустя какое-то время он с ним вместе ходил на Пьяну — ловили рыбу, бредешком. Правда, рыба оказалась хитрее и обошла их бредень стороной, но они не унывали. Поужинав огурцами и помидорами с огорода, заночевали в стоге сена. Ночью было не жарко — середина августа выдалась прохладной — но это уже детали.

Зато вон там, на соседнем большом озере, спустя пару лет в другой компании они и рыбки наловили, что надо, и славно у костра за ушицей посидели. Классно было еще и потому, что собрались одноклассники — почти все с его родной улицы.

А вот здесь, недалеко от шоссе, птицефабрика — птичник, как все ее называли. И метрах эдак в трехстах от нее в кустах он как-то лисицу с хитрой такой мордой приметил: плутовка явно собиралась без приглашения к курочкам заглянуть, но, увидев его, смутилась.

Дальше идет Виталий. С обеих сторон дорогу обступают деревья и густой кустарник. Ну, само собой: не по солнцепеку же идти. Снова знакомые места: вон на том лугу, куда с шоссе сгоняет дорога ведет тропка, каждый год в мае собирали дикий лук. Так и хочется сказать: сколько луку на лугу! И до чего же сладкий этот деликатес! Наверно, и сейчас ребятня его с аппетитом уплетает: луга-то заливные, сочные.

Здесь удобный спуск к реке. Тогда говорили: был на Подпечке, удил там. Название, видимо, оттого, что место закрыто густым кустарником и дорогой на высокой насыпи. Всего было две таких подпечки. Первая канула в связи со строительством нового моста: она оказалась на пути нового русла. Этот самый мост через Пьяну-реку уже виден — на ней, считай, прошло все их детство. Купались на старом русле, которое сейчас перекрыто дамбой. Вот он, их уютный пляж — малышня с азартом плещется и носится вдоль берега, а дальше плавают те, что постарше. Как и прежде, стоят большие деревянные ледорезы-треуголы, что в ледоходную пору разрезали своими металлическими спинами строптивые льдины перед мостом. Летом ребятки тут резвились, как дельфины, только что питались не кальмарами и креветками, как они, а простой деревенской пищей, и не в морской воде, а дома, на скромной деревенской кухне. На противоположном берегу — раскидистые и в тихую погоду такие умиротворенные ветлы.

Широкая в этом месте река плавно течет на восток, а путь Виталия — вдоль старого русла. Здесь, вблизи деревянного моста, они играючи прыгали весной со льдины на льдину. Все было очень круто. В тот раз он без боязни шагнул ближе к краю — неожиданно нога опустилась не на твердый лед, а в воду, прикрытую, как и льдина, речным илом. Но он не сплосховал и быстро выбрался снова на лед — ребята даже не успели помочь.

Вскоре Виталий увидел пасущееся на большом острове стадо местных буренок, от него к берегу вел деревянный переход, видимо, специально сооруженный для них. Картина была идиллическая. Одни буренки мирно щипали траву, другие стояли, наслаждаясь прохладой, в воде, третьи, откушав свежей луговой травки, запивали ее речной водицей. Дальше по берегу — первый жилой дом, построенный под уклон: видно, хозяевам очень хотелось быть поближе к речной прохладе. По другую сторону дороги — первая сельская улица, рядом — недавно выстроенная из камня автостанция, конечный пункт автобуса, который сюда, кажется, еще не подошел. До своего дома Виталию каких-то пять минут ходьбы. Он сделал остановку, поставил на землю чемоданчик и снял сумку с плеча.

Радость свидания с родными местами захватила отпускника. Как все до боли пронзительно знакомо, пронизано трепетной памятью юности и детства, пусть нелегкого, но такого дорогого! Перед ним — парк в центре села, они его называли садиком. Там они гуляли, по весне ловили майских жуков, обменивались мальчишечьими новостями, наблюдали за звездами, мечтали о далеких мирах. Вот центральная площадь села — чуть дальше на просторе они когда-то самозабвенно играли в хоккей на утоптанном снегу, орудуя подходящими крючковатыми палками.

Виталий ездил на родину обычно два-три раза в год, в основном, два: на майские праздники и летом, когда у него в запасе было аж 48 дней, которые давались для отпуска, не считая выходных — большую часть этого времени он и проводил на родине своего детства. Иногда навещался 7 ноября, которое вкупе с последующим днем было праздничным. Приезжать на Новый год почти не доводилось, потому что на работе в эту пору была большая запарка.

Их дом, в котором вначале жили бабушка с дедушкой и их детьми, а потом лишь его мать с двумя малолетками, помнил его с самых ранних лет — когда он еще и под стол не ходил. Он давал ему кров с первого года жизни и распахивал свои двери, покада Виталий не укатил после окончания школы в город, чтобы мыкаться там почти пять лет невесть где: то в тесном общежитии, где негде было и лишний стул к столу поставить, то на квартире в темном закутке, то — после женитьбы — в тещиной квартире в окружении оравы дымящих заводов, выдыхавших всякую химию и не только. А дом, стоявший на сельском просторе, продолжал ждать его, борясь с капризами природы, сгибаясь под тяжестью лет и с каждым годом все больше приближаясь к земле. Но когда приезжал хозяин, он сразу преображался, радуясь долгожданному свиданию, потому что знал, что тот будет лечить его недуги и раны: поправлять и латать, заделывать прорехи и застилать крышу, подчищать и подкрашивать, укреплять и подвинчивать. Как бальзам на душу, лились в эти дни на него скрипучие звуки пилы-ножовки в руках хозяина, стук молотка, шарканье рубанка, звон топора или позвякивание железной лопаты.

Бывали в такие дни, конечно, и другие интересные моменты. Как-то в мае он в очередной раз появился у дома, чтобы оценить фронт работ. Его увидел проходивший мимо один из местных жителей и издаleка поприветствовал: — День добрый, дачник! Но тут же поправился: — Нет, удачник.

В этот раз был уже не первый год, когда Виталий приезжал сюда не к матери, а в осиротевший дом. Здесь после его отъезда на учебу в вуз и работы в городе матушка долгое время жила одна, не считая сыновних побывок в студенческие каникулы, а потом во время его отпуска — вовсе не короткого. А всего она, кстати, прожила ни много ни мало — 93 года с хвостиком, два года не дотянув до возраста двоюродной сестры и четыре — своей мамы, что умерла уже в городе у сына аккурат на 97-й год рождения. Интересно, что очень многие женщины того поколения на селе, которое перебороло войны и многочисленные страдания, были долгожителями. И это не только от крепкой жизненной закалки, а, скорее всего, от каждодневного общения с матушкой природой, не испорченной химией и прочими придумками невиданного ранее технического прогресса, что выпал на последующие поколения.

И вот с той поры, как мама Виталия ушла в мир иной и дом стал видаться со своим последним хозяином лишь время от времени, его начали втихую навещать незваные гости. Так начали пропадать разные вещи, в которых, видимо, очень нуждались не чистые на руку новоявленные знакомцы и незнакомцы. Постепенно исчезли стол, стулья, что поновее, настенный шкафчик, иконки, одеяло, занавески, раскладушка, ручные тележки, ведра,

топор и другой инвентарь, газовый баллон, кирпич, строительные бревна и слезы из сарая, даже чугунная дверка от подтопка... Не повезло и репродукции картины Поленова «Заросший пруд», что ему подарили на день рождения. Книги оставались нетронутыми. Но затем похитили исторический однотомник Пушкина, изданный в 1949-м к 150-летию юбилею великого поэта: видимо, понадобился для наследника похитителя, а может, просто ради барыша. Прихватили даже небольшую лупу, при помощи которой Виталий в детстве с восторгом проецировал красивые марки, выпущенные к 800-летию Москвы, на белую поверхность печки-«голландки». Украденное уносилось обычно частями, чтобы не было сразу много претензий и труднее было искать. Впрочем, процесс поисков всегда затягивался, а там надо было уже уезжать на работу в город.

Как-то Виталий разговорился со сторожем соседнего учреждения и посетовал на то, что его периодически обкрадывают.

— А что ты хочешь? Дом бесхозный стоит.

Ах, вон оно что! Это вроде 100-рублевой купюры: лежит на земле, вокруг никого — бери и беги.

Кстати, насчет репродукции картины Поленова. Такую копию Виталий видел в продаже в одном из магазинов старины. Но — увы — не загорелся желанием расследовать ее историю: не верил в то, что удастся дойти до истины. А чем он мог доказать, что это именно его вещь? Он же зарубки на ней не ставил. И даже, если бы это было доказано, ничего хорошего от похитителя и его пособников не ждал.

Но все равно Виталий ехал на родину в свой дом с самыми теплыми чувствами: здесь он оживал душой и телом. Шутка ли, приехав усталым и затюканным, он даже в свои 75 с хвостиком мог через 10 дней в компании крепких ребят-старшеклассников играть в футбол. Не покидало его и творческое вдохновение. Как-то раз с утра за два с половиной часа сумел написать аж три полновесных стихотворения на разные темы, чего раньше за ним никогда не водилось. Это ли не чудо лечения родной аурой! Вот и сейчас он сгорал от нетерпения с головкой окунуться в спасительную родную атмосферу.

Он обогнул большой магазин, возведенный на углу двух улиц, и наконец увидел свой дом-родину. Дом стоял на месте, никуда не уходил, не сдвинулся ни на шаг, терпеливо ждал его. Ах ты, родненький, как давно я тебя не видел, пронеслось в душе Виталия. Ты совсем не изменился, только, может быть, чуток растерял свои краски, потому что устал ждать.

Этот кров его был сработан еще во времена деда — в 1916-м, потом, когда нашему романтическому герою было лишь три года от роду, дом как следует подремонтировали. В конце семидесятых Виталий обнаружил, что добротное жилище может заметно испортить вид на всю улицу — покоситься, и он нашел подходящих строителей — те заменили основание, перестелили пол, перекрыли крышу. Внутри старую русскую печку разобрали, а взамен соорудили плиту. Обновленный дом обещал постоять еще не один десяток лет. Так он и стоял. Мешала ему только непогода — непутевые ветра и противные дожди, от которых страдала и маялась открытая небесным хлябям крыша, что распростерла свои объятия над зимней и летней избой. Этой крыше Виталию чуть не каждый год приходилось платить дань: латать ее, в отдельных местах перекрывать, закрывать толем поверх железа, набивать новые планки, подбивать снизу. А спустя пару лет он по-дружески попросил одноклассника, чтобы помог, и тот сумел заново перестелить большую часть ее — ту самую, что над главной, зимней, избой.

Виталий ускорил шаг и вплотную подошел к дому. Привычная аура обнимала его. Дышалось легко и спокойно. Вот они, крепкие добротные бревна, радующий глаз костяк зимней избы. Он подошел к крылечку, вынул ключи и открыл простой навесной замок.

Сердце билось все сильнее. Поднялся по ступенькам, прошел в сени, которые соединяли обе избы. Сени были просторные и вмещали много чего: большой ларь для муки и круп, удобную широкую полку для ведер с водой, стол для повседневных трудов, вешалку для старой зимней одежды. Здесь висели телогрейки, отслужившие свой срок, пальто как знак эпохи, даже дедов тулуп и плащ из плотного материала типа брезент. Отсюда на чердак вела фундаментальная лестница из крепкого дерева, широкая и надежная. На чердаке долгое время хранились дедовы духовные книги, сельскохозяйственный инвентарь: цепи для обмолота зерна, длинные деревянные вилы для сена с тремя рогами (назывались они рожнецы), большие деревянные лопаты, фонарь «летучая мышь», старенький самоварчик с конфоркой, стоптанные валенки и многое другое. Под лестницей был угол для хозяйственного инструмента уже нового времени, а также плетеные сундуки, хранившие старые вещи. Рядом — умывальник, под ним — табуретка с тазом для использованной воды.

Открыл дверь в зимнюю избу. Окинул взором внутренности и стены. Кажется, никаких изменений. Классические деревенские стены, сложенные из полубревен, обращенных срезом внутрь, крепкая матица — главная потолочная балка, добротный пол, настеленный заново при перестройке дома. Висит на переборке его ковбойка — еще из 9-го класса, мамин служебный пиджак с металлическими пуговицами, на стуле — потрепанный шарф и толстовка, из которой он давно вырос. Старый подзор обрамляет нижнюю часть кровати — настоящая музейная реликвия... Ну, подушку и новое одеяло еще когда увели, часов на стене в прошлый приезд не было, иконки, что на полке стояли, тоже до того исчезли. Но что это: где провод с патроном и лампочкой, которые свешивались с потолка — где этот источник света? Нет его! Выкрали провода вместе с патроном и выключатель разбили. Это как же? Без газа и электричества? Ничего себе свидание!

Кое-как переварив увиденное, заявил в милицию, что не так давно стала полицией, а через час отправился обедать в простенькое кафе при столовой. Отобедал — непритязательно, но голод слегка утолил. Занялся текущими делами. Вечером кафе было закрыто — надо как-то ужинать, готовить горячую пищу. Но где? Куда бежать? В домике-хатке первого друга детства давно другие люди живут. Лачуги одноклассницы, где он задевал головой потолок, и в помине нет. Торкнулся в дом одноклассника и бывшего товарища, куда его племянш наезжает — никого. Нет и домушки соседей, у которых когда-то единственный раз в жизни единственный огурец в огороде с пацанами открутили, перемахнув через забор. Взял большую пластиковую бутылку, наполнил ее на колонке водой и побежал к старушке, что жила недалеко в доме, в котором раньше обитал его товарищ, большой друг книги. Вскипятит воду и даже сумел что-то сварить в прихваченной из города кастрюльке.

Минуло еще дня три или четыре. Виталий приходил в себя и, осваиваясь с очередной пропажей, продолжал жить в доме своего детства. Разумеется, по причине «незначительности пропажи» или еще по каким-то причинам помощи он не дождался и сам не слишком ломал голову над тем, как вести поиск. Между тем, его голова, как обычно, была полна новых творческих идей, и в ней созрел план интересного рассказа, задуманного ранее. Не теряя драгоценного времени, его, как исповедь любви к жизни и высоким человеческим ценностям, надо было нанести на бумагу. Он подумал, пошел в хозмаг и купил про запас три свечи. Вечером, после захода солнца, когда вернулся домой в свою темную резиденцию, зажег самую большую свечу, сел за стол и... Вдохновение не покидало его почти до часу ночи.

Через месяц рассказ был одобрен в редакции журнала и напечатан.

КАРТОГРАФИЯ БРЕДА: ОЛЕГ АСИНОВСКИЙ

Во всех опусах Асиновского есть некий автоматизм мышления. В факте автоматизма прячется главный вопрос: попадает автор в поэзию или нет? Если «да», то каковы критерии оценки его стихов, ведь очевидно, что эти тексты нуждаются в особом рассмотрении, отличном, скажем, от лирики или эпоса.

Если попробовать выделить смысловые ряды, с помощью которых можно сплести сетку критического анализа, то главными из них окажутся линии бреда и скорости (мышления и переключения планов).

Довольно часто Асиновского причисляют к религиозным поэтам, ибо хождение вокруг Библии составляет видимую оболочку его полотен. Но его вирши не соотносятся ни с содержанием Писания, ни с традиционной метафизикой, поскольку связаны с поэтическим мышлением в современном его изводе, превращающем реальность в фантазм.

Да, автор может говорить, что «ваяет субстанции», но на деле они оказываются плодом воображения:

Отрадно остаться
Распятому без Отца
С Девой наедине
И довериться Ей
Не Отцу и в ладу
С Собой жить
Только Богом не быть
Не родиться Богом
Богом не умереть
Вот что такое
К Богу любовь преодолеть <...>
(«Грешна любовь превозношением»)

Теология в этих и подобных стихах подкрепляется нравоучительным названием, но у читателя, несмотря на возвышенную тему, остается

впечатление, что с ним играют. Стихи обычно двигаются по известной схеме, где из бокового сюжета (например, «Листва из тумана / Слетает в росу / Качаются тени / Ручья на деревьях») происходит скачок в основной. И начинается богословие, вроде «Соломон в Воскресение в жертву / Светлому Богу Иисусу / Принес темного бога Христа». А уже под нее подводится заключение: «Вот что такое Шаббат».

Я охотно допускаю, что все эти богословские замесы связаны с поисками смысла и имеют онтологические коннотации. Что Асиновский — верующий человек, если понимать веру как предельную заинтересованность. Но мы в данном случае говорим о проекции его поэзии на читателя.

С точки зрения простого читателя Асиновский превратил Библию в фантастическое повествование, создал воображаемую историю и, как ее следствие, воображаемый народ. Аккурат по Бенедикту Андерсону — воображаемое сообщество, которое захватило, однако, реальную землю, воплотилось в государстве Израиль.

Современная вера часто ходит рядом с неверием, мужество быть частью сакраментального сообщества предполагает тревогу сомнения. Бога может не быть: это тревога небытия, которая преследует современника.

Но стихи Асиновского не про это. Он просто не желает быть частью чего бы то ни было. Пустота, а не отсутствие смысла — вот главная тема его поэзии. Именно в пустоте он вычерчивает новую карту, где Мессия превращается в человека Иисуса. Но простого возвращения в Ветхий завет не происходит. Иисус вовлекается в космическое становление. Теологические построения сопутствуют Ему и Его имени:

Сын победил
Любовью Отца
И убил себя
Той же Любовью Сын
И убитого Сына
Принял Отец
Без Любви к себе
И был страх перед смертью
Сильнее Любви
И не было жизни в Отце
Жизнь была в Сыне
Не просить и молиться
(«Грешна любовь нечувствием»)

Перед нами вполне себе гностический текст в духе Валентина, Маркиона или Василида. А попытка Асиновского из подобных кусочков слепить целое говорит о движении в сторону ранних гностиков.

Но система, к счастью, не собирается — видны только какие-то ее контуры. До ереси еще нужно дорасти, а полотна Асиновского все-таки не законченное учение, а поэтический разворот. Конечно, в этом развороте главенствуют теологические концепты, но они, тем не менее, касаются многих акупунктурных точек современности. Поэтому о поэзии автора хочется поговорить поподробнее. Поговорить в целом, не касаясь частных, ведь сделать, скажем, сравнительный анализ библейского Иова и Иова Асиновского легко, но неинтересно. А вот заняться картографией бреда важно. Хотя бы потому, что он составляет важную часть литературы и жизни.

Современный мир страдает от чрезвычайного подъема безумия. Оно присутствует везде, явно и неотступно — в речах политиков, в жестах деятелей культуры, в поступках простых граждан. Бред неотделим от повседневности. И именно поэтому его восприятие затруднено. Его ощущают, его боятся еще прежде, чем он заявит о себе. Но ощущать его близкое присутствие не значит воспринимать. Бред есть определенное чувствование мира, некая тональность.

Полотна Асиновского дают нам словесное воплощение этого ощущения до всякого восприятия. Они являют нам мучительную грезу в сновидческом пространстве. Просодия бреда предпослана всякому восприятию. Мыслящий субъект испаряется в движении знаков и музыки. Они столь тесно связаны с движением стиха, что исключают автора как субъекта. Мы оказываемся в пространстве литературной шизофрении, где автор и есть, и его нет.

Каждую строфу, каждый отдельный текст можно воспринимать как автономное произведение, обладающее достаточным смыслом. И каждое стихотворение поворачивает нас к прошлой речи. Своеобразное возвращение. В то же время один фрагмент забрасывает на другой канат, тянет цепочку общего поля. Мы видим два ряда. В одной итерации, в другой коннекции. И эти ряды взаимодействуют друг с другом.

Ряды образуют полотно — зримую вещь, где мысль скачет, ищет линии парадокса и безумия. В глубинах человеческого Я обнаруживается чудовище, которое переворачивает любую рациональность, любые разумные доводы. Это чудовище говорит на поэтическом языке.

Однако Асиновский не боится рациональности как таковой. Он работает со штампами теологии так, как раньше работали со штампами культуры. На корабле дураков его безумец действует вполне здраво, демонстрируя тем самым, что разум входит в саму структуру бреда. Бред живет внутри рациональности, подчиняет ее себе. Такое чувствование безумия как нельзя больше соответствует тональности нашего времени.

Безумие перестало хранить о себе глубокое молчание. Оно ожило в художественных практиках. Асиновский в своей траектории идет вслед за Арто, продолжая исследование бреда. Он ретро. Но не ретроавангардист, а ретробезумец. В его лице безумие снова выходит из спячки и захватывает сферу культурного действия. Оно и манифестирует себя, и дает повод для анализа. В этой своей двойственности бред художественной ткани являет собой гибрид, в котором сходятся и преломляются вопросы, задаваемые человеком о себе самом.

Мое Я требует от мышления, чтобы оно специально пришло в язык. До появления языка Я растворено в музыке природы, в тактильности, в кинестатике. Но даже когда речь появляется, Я еще нет. Ребенок думает о себе в третьем лице. Он говорит: «Коля хочет». Однако стихи, написанные мной, уже свидетельствуют о возникновении Я.

И это именно то Я, которое можно зачеркнуть. Поступая так, мы зачеркиваем бытие. Это бытие-зачеркивание Хайдеггера.

Полотна Асиновского, начиная с «Иова», все держатся на таком зачеркивании. В метафизическом смысле они уходят в бред, а вот в экзистенциальном обнаруживают Я в момент его исчезновения.

Мы не найдем в стихах материалистических метафор, говорящих о желании женщины, сражения, смерти. И все же одна такая метафора есть: это бег.

Стихи несутся невесть куда, как гоголевская птица-тройка. «О Русь, куда несешься ты?» — вопрошает в своем патриотическом порыве Асиновский.

Поэт не может дать ответ, как и Гоголь, но он знает, что в этом движении, где просодия собирает смысл, мое Я появляется как Я незачеркнутое.

Я обретает себя во времени. Легко представить, что в современном Израиле Асиновский воюет за еврейское государство, в США выступает со стихотворными манифестами на митингах республиканцев, а здесь, в России, просто мчится в темноте ночи.

Асиновский движется твердо и уверенно вперед, сбивая ружьем своей поэзии дроны верлибра демократии и силлабо-тоники консерватизма. Он ценит свободу, но это свобода в области духа и внутреннего полета.

Любопытно, что стихи Асиновского держатся на парадоксе, который свойственен левому нарративу. Однако в области поэтики он совершает консервативный поворот, отказывается от верлибра в пользу гетерогенного стиха. Тавтология, трюизмы также присутствуют в его речи. Другими словами, левый нарратив завернут в контру тождества, является элементом консервативного поворота. Однообразие поэтических вариаций, неизбежно повторяющихся снова и снова, словно в бесконечно возобновляемой молитве, вызывает к далекому истоку. Хотя истока нет. Консерватизм живет на фоне безумия.

Благодаря парадоксу Асиновский создает пространство пустоты. Эта пустота обособляет безумие, окружает его, выявляет в нем все, что несводимо к разуму и невыносимо для него.

Безумие получает индивидуальные черты. Оно странный близнец гностических учений древности и новых религиозных учений современности. При этом безумие не уходит в быт, будь то буйство или тугоумность, и коренится в недрах мифологии. Безумство Асиновского выделилось из смутного мира неразумия и превратилось в особую поэтическую форму, где обозначились онтологические перспективы.

Пафос безумия пронизывает все тексты Асиновского. Душевнобольной как бы шепчет, что он тоже член культурного сообщества. При этом он явно не выпячивает себя. Это не князь Мышкин. Он держится за кадром, бродит среди нас. И мы опознаем его как своего, не слишком даже обращаем на него внимание. Бред меняет свой масштаб, уподобляется привычке, превращается в то, что повторяется изо дня в день.

Полотно возвращает нас к одному и тому же. Но это не симулякр постмодерна. Это уже симулякр постпостмодерна. Он — не копия оригинала, он стоит наравне с ним и позволяет тексту висеть над пропастью. Это сила. И эта сила не тянет нас к сложившемуся образу как некоторому центру. Центра нет, нет сходимости.

Тема повторения играет большую роль в ретроавангарде. Все эти красивые буквы и слова с разным содержанием у Валерия Галечьяна, все эти геометрические фигуры-просодии у Ры Никоновой и Сергея Сигея, все эти постверлибрические лесенки и столбики у Василия Карасёва поворачивают нас к проблеме вечного возвращения.

У Асиновского полотно состоит из пустых повторов. Каждый отдельный элемент летает между безумием и просодией. Но буквально один фрагмент не повторяет другой.

Полотно Асиновского бесконечно, но оно структурировано конечными словоформами, не имеющими между собой явных различий. Это частички пустоты. Один пустой фрагмент не отличается от другого, хотя содержательно они вроде как разные и с точки зрения поэта онтологически загружены.

Мы имеем дело с бесконечной конечностью, и поэзия оказывается местом упаковки этого бесконечного. Содержание используется как сырье, а автор играет роль рабочего на производстве. Его бред не нарушает покой и безмятежность одного и того же.

Современность, в форме ее заброшенности, находит пищу в поэзии нашего автора. Неразумие Асиновского принадлежит к тем смертоносным властным стихиям, которые заложены в творчестве и в жизни. Одно и то же неистовство, одна и та же тоска присутству-

ют и в полотнах, и в мире. Язык и бред сплелись воедино. И то, и другое уходит в конкретику, где «удлиненно округлые колени соловьев и лягушек» присутствуют как очевидность. Как очевидность заброшенности, то есть отсутствия Смысла. При этом творчество и безумие ограничивают друг друга. Безумный мир существует потому, что он еще мир. Безумие в полотнах есть потому, что полотна — стихи. Переход черты рушит всякую дуальность. В чистом безумии нет ни творчества, ни открытия. Ницше, когда потерял рассудок, продолжал писать. Но его тексты этого времени не относятся к философии.

Стихи Асиновского живут потому, что репрезентируют заброшенность нашего мира. Этот безумный, безумный, безумный мир, по Хаксли, еще есть. И есть стихи о нем.

Бред, который сопутствует библейскому дискурсу Асиновского, способен подвинуть читателя на собственные изыскания. Но для этого потребуется двойное отстранение. Первое связано с выходом за пределы симулякра к первоисточнику, к Библии. Самая здравая мысль в рамках бреда звучит бредово. Поэтому первый шаг очевиден.

Второй предполагает какое-то базовое знание библейской экзегезы. Здесь тоже все достаточно просто, хотя, конечно, читатель не обязан быть семи пядей во лбу.

Стихи в своем естественном развитии не подразумевают никакой истины, кроме истины производства. А истина, достигнутая с помощью отстранения, связана с усилием.

Апория и парадокс являются инструментами усилия. Мысль спотыкается, падает и в падении пытается схватиться хоть за что-нибудь, ищет точку опоры. Истина и оказывается такой точкой.

Мы производим и ловим знаки. Но, как заметил Делез, во всем этом есть элемент случайности. То, что поймано, нуждается в отборе и в герменевтике. Просеивая знаки сквозь мелкие сита, мы обнаруживаем истину.

Истина не наша, она на дистанции от нас, в коммуникации. Она существует в пространстве, где обнаруживаются знаки в виде слов, звуков, запахов, цвета. Истина Бога на дистанции от Бога.

Наиболее действенные знаки исходят от вещей. Их не обойти, не объехать. Полотно Асиновского в своей целостности можно воспринимать тоже как вещь. Как тумбу, всосавшую в себя множество фантазмов. Когда мы говорим о теле поэзии, то имеем в виду подобную тумбу.

Тумба присутствует в мире, но не выражает его. Истина как выражение объективного мира пропала. Связь литературы и жизни больше не работает. Разворачивание знака уже не предполагает отсылки к реальности. Герменевтика в эту сторону не действует. Дешифровка, истолкование, объяснение оставлено прошлой эпохе. А пустота на месте того, что должно бы быть, сигнализирует об обрыве линий ускользания.

Линии завязаны на жизнь, на бытие во времени, на множественность. Но когда время исчезает, исчезает и множественность, а единое оказывается под вопросом: где оно есть, если ничего нет?

Греки вопрошали: как существует множественное (мир), если есть только единое. Нам остается спросить: как существует что-то, когда кругом одна пустота?

Безумие Асиновского держится на негативе. Он упаковывает ряды отрицания, примеривая неразумие к разуму. При этом его НЕТ рифмуется с ДА, которое работает на безумие не меньше, чем НЕТ. Логика всегда обращена к исчезающему разуму.

В хоре душевнобольных — а Асиновский виртуально поет в нем — слышны нотки тоски о Небесном Царстве. Но бред не может до него дотянуться, потому что стирает в порошок мир земной и небесный. Он не попадает даже в неразумие. Неразумие суще-

ствуется на дистанции, анализируется только разумом, который оказался в подчиненном положении. Высказывания «вот что такое Шаббат» и т. п. висят на цепочке мыслей неразумия. Они вполне себе рациональны, но под ними вулкан с магмой пустоты. Смысл движется в лаве и сжигает все на своем пути. И этот смысл с точки зрения разума вовсе не смысл. Реальность бреда не в состоянии дотянуться до себя. Она выдает темные речи. Поэт ускользает от всего на свете. Он обрек себя на бесконечное производство, как Сизиф. Сизиф закатывает камень на гору. Это нужно автору. А читателю? Или до читателя дошло, что он тоже Сизиф?

Слова-знаки в силу их пустоты обнаруживают что-то ненадежное. Напротив, музыка стиха продолжает говорить о времени. Просодия выражает время не как тему, а как то, что просто есть.

Это «есть» меняет нашу жизнь от поколения к поколению. В ситуации стертой речи музыка берет на себя груз онтологии. Стих длится как подготовка к своему исчезновению, слова уже потускнели, но ритм бодрит, мелодия звучит, песня еще не допета.

Бессмысленно гадать о поэзии будущего. Потоки, часто нами даже не считываемые, выражают себя в виде новой речи.

Будущее существует здесь и сейчас в тех поэтических поворотах, которые мы видим. Но развернуть их все равно не получится. Как не удастся из пушкинского времени вывести концептуализм, хотя онегинская строфа концептуальна.

Современная поэзия производит различные знаки, требующие дешифровки. Но они не лежат в плоскости рассудочной мысли. Связь означающего с означаемым испарилась. Наметились связи одного симулякра с другим. Жест, интонация, пауза в стихе нуждаются в интерпретации, в комментариях. И порой складывается впечатление, что стихи сами стали комментариями на комментарии.

Все эти интерпретации соотнесены со временем. Поэты опираются на темпоральность, как водомерка на гладь пруда. Но само время исчезает.

Бред Асиновского включает в себя рациональность, однако в самой рациональности есть складка, где бред являет себя как бешенство. Бешенство вызывают у поэта любые канонические структуры, земная Церковь. Отказ от всего церковного в пользу анархического мистицизма характеризует линии движения. Поэт буквально воспламеняется, когда нарратив затрагивает традицию. НЕТ становится главной силой его поэтических построений. Отрицание захватывает все этажи, все планы повествования.

Именно в этот момент ясно видно, что автор не способен быть частью. Хотя ему хватает мужества быть самим собой.

Продолжением бешенства является меланхолия. Чаще всего она возникает в концовке, когда главные НЕТ уже произнесены и полотно движется к выводам.

Меланхолия придает стиху определенную тональность. К ней нельзя подходить как к аполексии, параличу или конвульсии. Она ведет в область поэзии, потому что страх или грусть часто населяют именно стихи.

Меланхолия Асиновского прячется в рациональности, закутывается в нее, как Венера в меха. Она себя не обозначает явно, она внутри складки. И получается такой расклад: разум находится в складке бреда, а меланхолия — в складке разума.

В известном смысле поэзию нашего автора можно сравнить с творчеством Симеона Полоцкого. У последнего немало визуальных стихотворений. Мы видим резвящуюся в свое удовольствие линию, барочные завитки.

Эту линию производит точка в движении. Она движется по кривой, образуя складки. И складки, о чем говорит Делез, позволяют нам погрузиться на глубину.

Поверхность можно дробить, создавая все новые складки, превращая промежутки в места новой складчатости: в этом свобода письма.

При этом мы нигде не соскальзываем в пропасть. Глубина существует как движение поверхности: сколько бы мы ни погружались вниз, столько же будем выбираться по кривой обратно.

Точка проходит от сгиба к сгибу в потоке турбулентности, она вырисовывает самые невероятные линии. Континуум представляет собой лабиринт и никак не может быть выражен прямой, хотя прямая, когда речь идет о репрезентации, в стихах такого рода присутствует.

Звуки, цвета и линии являются гибкими, они выходят из одной темноты.

И все-таки, даже при таком раскладе, об Асиновском можно говорить как о просветителе, который занимается чтением тайнописи существования. Его бред несет музыку как бы ни к чему не привязанной мысли. Мысли, обращенной к трансценденции, отвергающей само понятие «складка». То, что для непонимающего его поэзию является абстракцией, лишенной реального содержания, то для понимающего она есть опыт бытия в акте поэзии. Парадоксы его поэзии говорят о возможном, чтобы мы могли уловить действительное. Асиновский размышляет о трансцендентности с помощью специфически понятой апофатики. Все его утверждения — ни о чем. Но его поэзия в целом о том, что за горизонтом.

Стихи Асиновского в своей трансцендентности улавливают складки, которые способны распрямляться до бесконечности. Собственно, бесконечность и рифмуется с трансцендентностью. Его тексты предлагают некое духовное приключение, способное воспламенить душу. А сама душа прячется в складках текста, похожего на складки платья великосветской дамы.

Душа сама по себе ничего не может. Ее желания реализуются телом. В нашем случае — телом поэзии. Душа ведет за собой тело. Она — Прекрасная Дама. И кавалер служит ей, даже не надеясь заключить законный брак. Он и Дон Кихот, и Санчо Панса. И у него немного едет голова.

Душа и тело живут в одном месте, в сгибе стиха. Тело подчиняется запросу души: крутит слово и так, и этак. Устраивает два этажа, чтобы поселить на одном бесов, на другом ангелов и организовать общую попойку. Тело пьяно, душа пьяна.

Складки создают особое пространство барочной живописи, способное не только радовать глаз. Между одеждой и телом прячутся силы, способные утащить нас в темные комнаты, где приготовлены орудия пыток — клещи, пила, дыба и высокое кресло инквизитора.

Любая складка барокко (а мы, напомним, сравнили Асиновского с Полоцким) бесконечна, ее сложно до конца распрямить. И внутри у нее беспокойство. Мы не врачи, мы боль, говорит Герцен. Полотна вроде как свидетельствуют об этом.

Легкие воздушные складки многое чего таят — радость и страсть, страх и безумие. Шиза, отказавшаяся от метафизики, не спасает от страдания. Поэтому еще одна линия Асиновского убегает в нирвану.

Ничего нет: ни прошлого, ни настоящего. Нет ни истории, ни культуры. И даже желание, о котором спросонья грезит душа, иллюзорно.

Стих движется, отбрасывая телесность. Каждым своим узелком, каждой кривой он убаюкивает и говорит: это не то, это тоже не то, и это не то. Стих не хочет, чтобы его читали

и даже видели. Он отшельник, учеником которого хотели бы стать многие разуверившиеся души. Но он не гуру, чтобы учить.

Стих, как выражение души и тела, развертывает интериорность. Внутреннее заявляет о себе ритмом и звучанием. Великие стихии, которыми населен микрокосм, обнаруживают себя в поэзии.

Барокко и его окрестности — это дворцы и топи Петербурга. Чуть в сторону — и можно утонуть, да и сам город на костях.

Стихи Асиновского, если брать перспективу культуры, страшны. Однако сегодня по Невскому гуляют праздничные толпы и на Неве проходят морские парады. Люди верят в будущее и знают, что оно открыто. Линия жизни уходит за горизонт.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в 1949 году в г. Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живет в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах.

ПАРОДИИ

ПЯТЬ ПАРОДИЙ

СВЕТОЧНОЕ

*Если же света меня лишитъ,
стану во тьме светиться.*

Лидия Григорьева

Когда ж электричества дома нет,
надо ж такому случиться,
но я необычный в мире поэт —
ночью могу светиться.

И в поэтическом нашем кругу,
где иногда нет лада,
не только ярко светиться могу,
но и «засветить» как надо...

ЕРЕТИЧЕСКОЕ

*Я живу и пишу эту ересь в тетрадь
и не знаю — зачем я живу.*

Елена Лапина

Чтоб стихи не писать, то такого нет дня,
но за что эта участь дана?
Сочиняю о том, что тревожит меня,
а прочту — там лишь ересь одна.
Каждый вечер печальный приходит закат,
и не жизнь у меня, а кошмар.
Слава Богу, за ересь теперь не казнят,
даже платят, порой, гонорар.

ПИЛОТОПОРНОЕ

*Страшно, когда
На пилу ополчился топор.*

Юрий Татаренко

Всюду конфликты —
От них я не вижу спасенья,
Люди воюют друг с другом
Уже с незапамятных пор!
Страшное получил я
На днях сообщение:
Что на пилу
Ополчился обычный топор.

Как же работать теперь нам
На лесоповалах,
Чем пилить и рубить нам теперь
Вековую тайгу?
И слезинки бегут и бегут
По щекам моим впалым,
И ответ на такую беду
Я вам дать не могу...

ТО, ЧТО ВЫШЛО

*то что вышло из-под пера
не довело до добра
это понято не вчера
и не сегодня с утра*

Евгений Бунимович

то что выходит из-под пера
под вопли: гип-гип ура
что слышно из-за бугра
но это все мишура
то что выползло из-под пера
мне шепчет: бросать пора
поскольку рифма стара
понято все не вчера

ЧЕРЕПАШКОВОЕ

*Я взрослый человек, мне ближе к сорока.
Но возвращает жизнь к тринадцати и раньше:
ко мне пришел сосед, его рука легка,
мы будем проходить на «Сеге» черепашек.*

Анастасия Трифонова

Я женщина в соку, и даже не седа,
и вредных не имела никогда замашек,
но только вот сосед заходит иногда,
и мы играем с ним в японских черепашек.

И я бы лет до ста спокойно бы жила,
писала бы стихи, в окне считала пташек,
но знаю, что рука соседки тяжела,
и будут черепки из этих черепашек.

Вячеслав Куприянов, Райские птицы поэзии. Стихотворения.
М.: Издательство Евгения Степанова, серия «Авангранды», 2025

Вячеслав Куприянов один из немногих поэтов, которые одинаково хорошо пишут и верлибры, и силлаботонику. «Райские птицы поэзии» — логичная для автора книга после выхода в свет его «Книги о верлибре». Один из лучших верлибристов страны, Куприянов сказал свое веское слово и в классическом стихотворении. Он слышит звук и идет за звуком, сплетая логос и мелос. Звук для поэта — это Бог-внук. Это особый дар: «Порочных связей я не имел, / И вы таковых не имели. / Но вот появился у нас e-mail, / И дух заворочался в теле». Это нужно расслышать. Особенно ценно в лирике Вячеслава умение говорить о несказанном:

Это письмо — ночное окно.
Ты его распечатай.
Снегом и ветром вспыхнет оно,
Белой мглой непочатой,

Ветром, ставящим все вверх дном,
Он весь в тебя, заметь,
Но он забегает часто в мой дом
Ноги свои обогреть.

А после мы вместе выходим с ним,
Ищем тебя вдвоем,
Но он уходит, неисправим,
За первым легким платком.

А ты далеко, и не знаешь сама,
Как ветру и мне помочь.
Белым по белому пишет зима.
Черным по черному — ночь.

Важным в произведениях Куприянова мне представляется его необычный юмор. Современные поэты шутят не так, как это было веками раньше: «Не более иных наш век суров. / Лишь гении глядят на нас сурово. / И стоит петь, чтоб не скудело слово / В мерцании светил, среди воров...» («Памяти Серебряного века»). Здесь автор переиначивает знаменитые стихи Иннокентия Анненского. Кто-то скажет: стеб! Надо полагать, и в пушкинские времена, и во времена Салтыкова-Щедрина в России воровали не меньше. Вот только поэты раньше так не писали. Может быть, потому что еще верили в лучший мир. Юмор у Куприянова острый и саркастичен. Вот, например, его «Хороший людоед»:

Дом стоит, и в доме светит свет,
Там живет хороший людоед.

В этом доме мир и тишина.
У него красавица жена.

У него детишек полон дом.
Он всего достиг своим трудом.

День его суров и напряжен.
Он чужих подстерегает жен.

Он в делах охоты грамотей,
На чужих охотится детей.

Чтоб была полна его сума,
Он в чужие ломится дома.

Он идет по головам чужим,
Чтобы дома соблюдать режим.

А в чужих домах ютится страх,
Там его портрет во всех углах.

И сменить означенный портрет
Лишь другой способен людоед.

Вячеслав много поездил по разным странам, и его лирика носит в себе отсвет Вселенского: «Вселенная не отдыхает, / На миг нанизывая миг», — говорит поэт. Умение посмотреть на мир откуда-то сверху представляется мне важным в творчестве Вячеслава Куприянова: «А здесь, где шумят океаны, / Где солнца на небе печать, / Как струны, натянуты страны, / Мешая друг другу звучать». Лирика Куприянова часто звучит критически по отношению к текущему моменту. Вместе с тем, в стране веками ничего не меняется, поэтому сказанное поэтом однажды всегда актуально. Мы видим, что автор использует все богатство родной речи, интересуется новейшими открытиями в области физики. Космизм Куприянова особенно заметен в его «Колыбельной земному шару»: «Звезды приложи к виску, / Да не станет небо крышкой! / Спи с Европой на боку / И Америкой под мышкой». Это близко тому, как понимал метаметафору Константин Кедров.

Во многих стихотворениях, которые вошли в книгу «Райские птицы поэзии», параллельно с голосом автора я слышу голос Фёдора Тютчева — «Куда несешься, шар земной...», «Ночные звезды», «Мыслящий папирус».

Вячеслав Куприянов — поэт-долгожитель, активно участвующий в современной литературной жизни. Качественная силлаботоника помогает ему прозвучать там, где верлибры, может быть, не столь выигрышны: «Здравствуй, мое говоримое, / Сказанное сказуемое, / Теперь не теряй и твори мое, / Собственное, непредсказуемое, / Что быть могло не с тобою, / Но в слове тебе открыто, / Что стало твоей судьбою, / Как связь бытия и быта, / Где явлено неуловимое / Доброе и не злое, / И для тебя любимое, / Длящееся

былое, / Мне самому непонятное, / Но по сути простое / И потому необъятное / Чужое пережитое». Это классика. Чувствуется, что стихи написаны на одном дыхании. Иногда в творчестве Куприянова я слышу восточные мотивы, что-то вроде знаменитой бабочки Чжуан-Цзы:

До рассвета залив пуглив,
в нем дрожат облака,
он не верит, что он залив,
а не смутный сон рыбака.

А рыбак видит седьмой сон,
сон смутен и неумолим,
в нем ворочается рыба сом,
и плещется рыба налим.

До рассвета рыбак сонлив
он не хочет сон пропустить,
где он может спокойно выпить залив
и облаком закусить.

(«До рассвета»).

В одном из стихотворений автор рассказывает о посещении кладбища: «Имя на каждой могиле — / слово в устах земли. / Вы для чего приходили? / Что вы за весть принесли?» Обилие имен ушедших невольно вопрошает о смысле жизни. Обратите внимание, у Куприянова этот смысл — для всех, не для себя. И для тех, кто был, и для тех, кто придет после нас. Не может быть, чтобы мир покидали исключительно добчинские. Каждый человек несет в себе какую-то весть — убежден поэт. Стихотворение называется «Память», и точнее название придумать сложно. Люди у Куприянова из века в век мечтают о «лучших временах». «Надо только обмануть лгуна. / Надо златоуста перепеть. / Ах, какие будут времена! / Вот еще немного потерпеть». Автор хорошо знает чаяния своего народа, как и почему они не сбываются. Лучшие строки Вячеслава Куприянова актуальны, злободневны и хорошо запоминаются наизусть:

Мы уходим в себя, как улитки,
Избегая с подобными встреч.
Мы не люди, мы только попытки,
Как в себе человека сберечь...

Александр КАРПЕНКО

**Стефан Георге, Книга висячих садов
Москва: Издательство Евгения Степанова, 2025**

Словосочетание «висячие сады» тут же запускает в голове культурного, мыслящего читателя определенный ассоциативный ряд — красота, великолепие, наслаждение жизнью... И — роскошь, второе чудо света, царское имя — Семирамида... Ее сады стали символом стремления человечества к созданию рая здесь, на грешной земле. Так и стихотворения, вошедшие в данную книгу, уводят читателя от реальности — внутренний ритм поэтического текста завораживает, и кажется, будто бы он свободен от оков формы. На самом же деле, по воспоминаниям современников, немецкий поэт Стефан Георге отдавал предпочтение формальному построению стихотворения, ставя его выше смысла (низкий поклон переводчику — мы это чувствуем кожей, но не ощущаем давления на читателя):

Чуть врата цветущие за нами —
Ловим наши сбитые дыханья...
Упоенье бывшей мечтою?
Слабый шелест между тростниками
Вздохов помню, трепет, шепот замер,
Тихие и легкие касанья,
И глаза, истекшие слезами —
Долго ль ты останешься со мною.

Что-то тихое сквозит в этих словах, таинственное, как летний ветерок: мы его не видим, но дуновение ощущается и чувствуется, что, несмотря на июльскую жару, этот прохладный воздух прилетел с севера, и скоро все изменится — это преддверие грозы, пока что едва различимое. Рифмы нет, но сложное внутренне устройство текста и не требует жесткости формы. Последняя строка ввиду отсутствия вопросительного знака выглядит не обращением, а рассуждением, неозвученным, оттого и неразделенным. Под сомнение ставится психологическое состояние лирического героя: то ли происходит на самом деле, в чем он хочет убедить нас?.. Искренен ли?.. Переживание идет не только о себе — нежное «мы» все же уступает одинокому «я», но сомневается лирический герой за двоих...

Стихотворения предстали перед нами в переводе Марцеллы Радошкевич. Только очень профессиональный переводчик способен укротить фирменный немецкий «орднунг», чтобы по-русски поэтический текст «воздушно» звучал и казался написанным как бы спонтанно:

Что за тропы, подскажите,
Путь ее пересекают?
В этих тканях будут нити
Драгоценней кладов многих,
Рву фиалки, роз соцветья —
Щеки, как цветы, пылают —
Чтобы бросить ей под ноги.

Это сделать непросто, поскольку в немецком языке строгий порядок слов: на втором месте после подлежащего располагается вспомогательный глагол, а сказуемое занимает последнее место, в конце придаточного предложения. Другими словами, пока ты

не прочтешь предложение полностью, не поймешь его, полный смысл фразы от тебя ускользает. Нет места смысловым оттенкам, вызванным перестановкой слов, всему тому, что делает русский язык столь богатым. Но можно опираться на эту строгость построения фразы, и тогда перевод будет изящен и строен — все правильно, все слова на своих местах, пусть даже ситуация, описанная в стихотворении, будет выглядеть несколько схематичной:

Счастье строго и хрупкость,
Что творит касанье губ?
Каплет дождик в пустошь, струп
Суши воду пьет, как губка.
Скуп на влагу окоем,
Не прольется новых струй
Перед будущим огнем.

Стефан Георге в своих стихотворениях нарочно подчеркивает статичность природы, да и персонажи его как бы застывают в одном состоянии, предпочитая его не переживать, а пережидать, как затяжной дождь. Образы стилизованного Средневековья, тяга к французскому сонету — все это уводит читателя из современности. Не зная языка оригинала, можно подумать, что перед нами образец старинной европейской лирики, эстетизированной, холодноватой и утопающей в собственной печали:

Страх с надеждой рвут поочередно
Вздых, слова растягивают стоны,
Так тоска томит и ночь бессонна,
Что на отдых не возвращаюсь,
На подушке слезы безысходны,
Я любую радость отвращаю.

Понимание переводчиком основного конфликта, описанного в стихотворном произведении, накладывается на необходимость передать его читателю выразительными средствами русского языка, причем так, чтобы не нарушить авторский замысел. А там может быть и отсылка к творчеству французских символистов, и собственная авторская интонация, тяготение к строгой форме, требующее от автора как высокого мастерства, так и недюжинного усердия:

Средь них дрожит подземный звук —
В союз ступая наш,
Забудь величье, как недуг,
Припав к земле, уважь
В ней проблеск розо-золотой,
Смиреньем искупив
Дерзанье. Ведь в земле одной —
Вся сладость восхода нив.

Время теряется, замирает, растворяется в пространстве. Остается аскетизм, от которого — один шаг до Вечности. Это напоминает нам о бренности всего сущего и о том, что нельзя отрываться от своих корней. Религиозное начало хоть и движет этим стихотворением, но только от нас зависит: внимать ему или нет. Немало представленных в этой книге стихотворений предупреждает нас об опасности излишней привязанности к земным благам. Тонкая лирика Стефана Георге, вышедшая отдельным сборником книжной серии «Авангранды», придется по вкусу интеллигентному и взыскательному читателю, привыкшему к изысканной поэзии.

Вера КИУЛИНА

**Алина Дием. Две повести о любви для взрослых.
М.: «Вест-Консалтинг», 2025**

Восприятие, осмысление и оценивание мира происходят на различных уровнях. И если на бытовые темы мы общаемся свободно, то культура любви во многом сформирована системой ограничений, что порождает обилие символов, иносказаний, юмора и смягчающих оборотов речи. У психотерапевтов, проводящих групповые занятия, существует безошибочный тест на уровень доверия участников группы друг к другу и ведущему: чем свободнее люди рассказывают о своих сексуальных проблемах, чем спокойнее называют вещи своими именами, тем легче складывается общение между ними. Поначалу участники стыдятся, краснеют, но спустя некоторое время пропадает дрожь в голосе, и «половой вопрос» становится не таким уж страшным...

Вечное противостояние свободы и запретов!.. Именно сквозь барьеры ограничений и стремятся пробиться мастера слова, но сделать это, не скатываясь в цинизм, довольно трудно. Достоверное отражение чувств подразумевает определенную степень детализации и конкретики в демонстрации взаимоотношений между людьми, затрагивая не только психологические, но и физиологические аспекты, телесную сторону любовных связей.

И здесь возникает вопрос: существуют ли какие-либо границы в этой сфере, есть ли ограничения и пределы откровенности в изображении любви? Может быть, это зависит не только от прозаика, но и от читателя?..

Книга Алины Дием включает в себя две повести. Словосочетание «для взрослых» — это водораздел: под обложкой — текст для узкого круга лиц. Для своих. Они словно будут подглядывать в замочную скважину, то смущаясь, то отворачиваясь, но до конца обязательно досмотрят. Потом могут в приватной беседе заявить: «Это нельзя читать!..» — и тут же рассказать, какая именно сцена их так взбудоражила.

Первая повесть — «Профессор и страсть» — начинается как интрижка на производстве: она — скромный библиотекарь, он — профессор ветеринарии. Обыкновенная история, однако «огоньку» в текст добавляют откровенные описания. Каждый эротический эпизод служит своего рода откровением, позволяющим читательнице (не будем лукавить: большинство из тех, кто это прочтет, принадлежит к прекрасному полу) временно изменить привычные социальные роли: от заботливой супруги, матери или исполнительного работника к соблазнительной и раскрепощенной женщине. Вместе с тем одиночество героини усиливается. Ведь каждому понятна разница: встречаться с мужчиной, для которого ты единственная, или же с закоренелым бабником... Мне этот персонаж кажется отталкивающим: все эти обращения к женщине «моя сладкая», «моя хорошая» при отсутствии глубокой привязанности... Алёхин становится символом эмоциональной отчужденности.

Долго ли это будет продолжаться? До тех пор, пока женщина не почувствует себя опустошенной: «И вот возобладали ее кошачья натура. Ей нужен тот, кто будет ее кормить и гладить каждый день, а не раз в два месяца. Ей нужен верный и преданный человек, а не кот, который не пропускает ни одну симпатичную кошечку. Недаром профессор Алёхин ни разу не сказал, что любит ее. Вероятно, слово любовь — табу для него. Возможно, когда-то он горько заплатил за любовные признания. Возможно, его предала любимая. Ей стало жаль его». Ага, конечно. Многих предадут. Но не все становятся «ходоками». Как же мы, женщины, любим оправдывать неподобающее мужское поведение... Героиня осознает, что для нее важнее не только страсть, но и любовь, которая предполагает заботу и верность. Сравнение с кошачьей натурой подчеркивает ее потребность

в стабильности и постоянной поддержке. Но и осознав свое желание, она не спешит порвать с любвеобильным партнером. Нет сил. Проще пойти по проторенному пути — и в ситуацию вовлекается третья сторона: «А тот, Другой ее поклонник, без устали твердит ей, как сильно он ее любит, не может жить без нее, единственной и неповторимой. И как тут устоять?» Коротко и ярко представлены переживания главной героини и ее борьба между различными типами привязанности. Раскрывая нам ее мысли, автор проводит глубокую психологическую аналитику персонажей и исследует понятия доверия, верности и самоидентификации.

Финал? Да все как в жизни, тем и хороша эта проза. Женщина уволилась, возрастной мачо умер. Грустно. Жалко обоих.

И — стыдно, что по собственной воле становишься безмолвным свидетелем и без того непростых отношений этих людей. Дорвавшись до «запретного плода», ожидаешь бурного финала со скандалом. Но героиня Алины Диём выходит из отношений и тихо покидает стены института. И снова автор не отрывается от действительности: именно так они и прощаются, простые женщины, которым нечего терять. Если не смаковать «веселые» подробности, мы увидим, насколько реалистична эта проза.

Вторая повесть — «Жертвы красоты» — тоже интересная история. Пикантности ей придает место работы центрального персонажа: мужчина не из «простых», он занимает должность в райкоме партии.

Снова библиотека. Мужчина и женщина. Он женат. Есть у него тайная любовница, а еще «подвернулась» молодая сотрудница... Еще одна классика жанра.

Повесть завершается довольно предсказуемо. Последний абзац основной части (будет еще эпилог) ставит в этой истории жирную точку: «Больше года нервного ожидания новой квартиры постепенно перекрыли неприятные воспоминания о несбывшейся любви. И Долгов, и Кравцова тщательно избегали даже легкого намека на исчезнувшую в неизвестности Люсю Огородникову. Главное сейчас — все выдержать и взять от жизни очередное благо — новую квартиру в престижном доме». Упоминание «престижного дома» подчеркивает социокультурный контекст, в котором материальные достижения играют значительную роль в самоопределении героев. Они образуют единый фронт, который скрывает свои подлинные переживания. Этой паре социальный статус крайне важен: ради получения вожаемых метров они готовы закрыть глаза на «маленькую деталь» — ну, подумаешь, сходил налево. Было и было. Тем более, что и Кравцова — не его законная жена...

Автор продолжает — прозрачно и насмешливо: «Ради этого можно пострадать, можно обойтись без любви. Какая тут Люся и безумная любовь, какая стареющая любовница с уже бесполезной помощью, когда на кону — трехкомнатная квартира улучшенной планировки в элитном доме в центре города. Долгов умеет выбирать, Долгов не остается в долгу». Язык отрывка прозрачен и функционален, что позволяет читателю сосредоточиться на чувствах и внутреннем состоянии персонажей. Отсутствие внешнего конфликта служит фоном для внутренней борьбы, создавая атмосферу нервозности и напряженности. Стирается второй, высокий смысл слова «долг» — нравственная и общественная необходимость, обязанности перед близкими. То есть то, что меньше всего хочется делать — отвечать за свои поступки, признавать, что, мягко говоря, накуролесил, и что обе женщины от него пострадали... Каламбур, выстроенный вокруг «говорящей» фамилии, не оставляет даже призрачного шанса на то, что у мужчины проснется совесть. Как может «тюкнуть в темечко» то, чего нет?..

Материализм выступает против романтики: главные герои делают выбор в пользу материального блага (новая квартира) в ущерб эмоциональной связи и любви. Тем самым автор поднимает вопрос: что важнее в жизни — материальные вещи или человеческие отношения?.. Мы видим, что относится она к своим персонажам с осуждением. Тон повести становится холодным, неодобрение выражается не только констатацией факта, но и игрой слов: фамилия мужчины символизирует не готовность следовать долгу, а попытку избежать обязательств как в финансовом, так и в эмоциональном плане.

Тонкая грань между «можно» и «нельзя» в прозе Алины Дием практически стерта, однако именно это и делает текст захватывающим. Не слишком ли откровенные произведения? Кому как... Что же до того, имеет ли писатель право раскрывать всю подноготную своих героев, то еще Иван Бунин, автор «Темных аллей», одной из самых неоднозначных и притягательных книг, писал: «Сочинитель имеет такое же полное право быть смелым в своих словесных выражениях любви и лиц ее, каковое во все времена представлено было в этом случае живописцам и ваятелям».

Надежда ДРОЗД

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 01.09.2025
Подписано в печать 10.09.2025